

СИБИРИАДА

ГЕННАДИЙ
ТУРМОВ

ПО ДУГЕ
БОЛЬШОГО
КРУГА

Сибиряда

Геннадий Турмов

По дуге большого круга

«ВЕЧЕ»

2016

Турмов Г. П.

По дуге большого круга / Г. П. Турмов — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Сибириада)

ISBN 978-5-4444-9189-8

Огромную территорию России от Уральских гор до побережья Тихого океана издавна называли Сибирью. Коуди Марш, известный американский журналист, побывавший в 1920 году на Дальнем Востоке, опубликовал статью под названием «Знакомство с российским Диким Востоком». Начав перечень «сибирских городов» с Владивостока и закончив Никольском (будущим Уссурийском), американский журналист как бы очертил часть «дуги большого круга», вдоль которой прошла жизнь героев этой книги. Вообще-то «дуга большого круга» – специальный термин в кораблевождении и представляет собой кратчайшую линию между двумя точками на поверхности вращения (земного шара). Но откуда об этом мог знать сельский парубок Иван Потопьяк, когда вместе с другими переселенцами рассматривал самодельную карту, на которой был начертан путь от села Ходыванцы на Украине до села Антоновка в Приамурье? А ведь именно он назвал этот путь «дугой большого круга»...

ISBN 978-5-4444-9189-8

© Турмов Г. П., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Вместо пролога	6
Дуга первая	7
Дуга вторая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Геннадий Турмов

По дуге большого круга

© Турмов Г. П., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

* * *

Вместо пролога

Огромную территорию России от Уральских гор до побережья Тихого океана иностранцы издавна называли Сибирью.

Это понятие настолько укоренилось, что и до сих пор для многих из них Владивосток, Омск, Хабаровск... располагаются где-то там – в Сибири.

Коуди Марш, известный американский журналист, побывавший в 1920 году на российском Дальнем Востоке, опубликовал в журнале «Нэшнл джиографик» статью под названием «Знакомство с российским Диким Востоком».

В ней он пишет: «...В Сибири так много всего, что американцу приходит на ум “Дикий Запад” прежних дней... Американка, смеявшаяся над англичанином, который жаловался, что за 10 дней, проведенных им в Нью-Йорке, не видел ни одного индейца, по прибытии во Владивосток спросила, есть ли в городе опасность встретить волков. За все время пребывания в Сибири, я не видел ни одного!»

Далее он отмечает: «...Города русского “Дикого Востока” не очень густо населены... Первым следует Владивосток. На другом конце этой земли – Омск, столица. Между ними, как севернее, так и южнее, – Томск, Екатеринбург, Челябинск, Чита, Хабаровск, Иркутск, Харбин и Никольск.

Лишь одна черточка этих красивых городов вызывает больше всего возражений – их грязь и сопутствующие ей ароматы. Я как-то с осуждением отметил это в беседе с русской женщиной, повидавшей свет. Она же резко напомнила мне, что разнообразная вонь чикагских скотопрогонных дворов, дымы Питтсбурга и острый бензиновый дух нью-йоркской Пятой авеню все равно занимают первые места в ее списке неприятных городских запахов».

К. Марш называет Владивосток «интереснейшим и крупнейшим городом Восточной Сибири» и заключает: «...Я так подробно остановился на Владивостоке, потому что он – ключ к Сибири». И далее: «К сибирской жизни изумительно прикипаешь. Что-то в ней чарует. Меня с более чем тысячным американским контингентом эвакуировали в Манилу и все три месяца на Филиппинах я то и дело слышал, что бойцов тянет обратно в старый, добрый “Влади”».

Начав перечень «сибирских городов» с Владивостока и закончив Никольском (будущим Уссурийском), американский журналист как бы очертил часть «дуги большого круга», вдоль которой прошла жизнь героев этой книги.

Вообще-то «дуга большого круга» – специальный термин в кораблеводении, который по-другому называется ортодромией (по-гречески – прямой путь) и представляет собой кратчайшую линию между двумя точками на поверхности вращения (в данном случае земного шара). Откуда об этом мог знать сельский парубок Иван Потопьяк, когда вместе с другими переселенцами рассматривал самодельную карту, на которой был начертан путь от села Ходыванцы на Украине до села Антоновки в Приамурье? А ведь именно он назвал этот путь «дугой большого круга».

Дуга первая

Иван забросил в телегу охапку свежескошенной травы, разровнял ее и блаженно растянулся, насколько позволяло узкое пространство кузова.

Многолетний переход через всю страну крестьянских переселенцев из Люблинской губернии царства Польского Российской империи подходил к завершению. Еще один рывок в десяток верст – и они въедут в деревню Антоновку – конечный пункт их нелегкого пути.

Иван много передумал за это время, но не находил ответов на множество своих вопросов.

– Правда ли, что их ждет рай земной, как обещали вербовщики, агитируя за переезд на Дальний Восток?

– Много ли дадут земли?

– Удастся ли и ему выделиться и зажить своей семьей?

– Выйдет ли за него Ксения Зозуля, семья которой тоже была в обозе переселенцев?

Пока что место перед Антоновкой ему нравилось. Стояла пора ранней осени, а бабье лето – оно по всей России, наверное, одинаковое. Солнце было по-летнему яркое, но изнуряющей жары не было. Стрекотали цикады, носились взад-вперед стрекозы, на все лады распевали ранние птицы. А таких огромных бабочек, такого их разноцветья Иван не встречал нигде. Наблюдая, как огромный махаон, величиной с небольшого воробья, взгромоздился на яркий цветок, тут же согнувшийся под его тяжестью, он вспомнил, как родственники отговаривали его отца, Федора Потопяка, от переезда на Дальний Восток.

– Та куда ж вы собрались? Там вже ж яблоки стаканами продають, а все то, шо шевелиться, то и кусается!

Иван слышал, что мелкие яблочки те называются «китайками», и только они растут в том климате.

Однако Потопякам, Зозулям и другим землякам до того опостылело бесправное батрацкое житье, беспросветная бедность и нищета, что они готовы были уехать хоть на край света. По существу, так оно и вышло.

– Ну, Ваня, с богом, – пробасил отец, беря в руки вожжи, и, как молодой, ловко вспрыгнул на передок телеги.

– Но-о-о, родимая, отдохнешь скоро, – понукал он сивую лошадку, которая действительно, будто что-то поняв, бодро затрусила по еле видимой колее, помахивая хвостом и отгоняя надоедливых оводов.

Иван, привычно подпрыгивая на телеге от тряски, глядел в небо, по которому проплывали меняющиеся на ходу очертания кучевые облака, и вспоминал свое село Ходыванцы, учебу в церковно-приходской школе, работу подпаском у помещика, у которого батрачил и отец.

Крепко сбитый, с ярко-синими глазами, любознательный подросток через год после окончания церковно-приходской школы легко сдал экстерном экзамены за курс двухклассного городского начального училища. На этом его образование и закончилось. Само по себе, село, где жили Потопяки, было сравнительно большим. В нем были церковь, костел, двухклассное училище, и более двух десятков преимущественно еврейских лавок, а двухэтажных домов и десятка, наверное, не набралось бы.

В селе Ходыванцы, как и во всей Люблинской губернии, проживали поляки, украинцы (тогда их называли малороссами) и евреи.

Малороссы, большей частью православные, недавно обращенные из унии, заселяли юго-восток губернии и, как правило, батрачили на польских помещиков. К таким семьям относились и Потопяки.

Однако знавали они и лучшие времена. По семейным преданиям, в канун польского восстания в дочку их прадеда по отцовской линии без памяти влюбился высокородный польский

князь. Да и было в кого влюбиться. Высокая, статная, с русой косой ниже пояса и такими пронзительными синими глазами, что не только парубки, но и девки, и взрослые мужики, и бабы не могли долго выдерживать ее взгляда. Отводя глаза, бабы крестились, думая про себя:

– Дал же Господь Бог такую красоту босячке!

А «босячка» София проходила по селу величавой походкой, горделиво выставляя на всеобщее обозрение свою неповторимую красоту девичьей свежести и обаяния. Хотя гордячкой она не была, но и подружки у нее не водились: кому охота, чтобы парни пялились только на нее, не обращая никакого внимания на других девчат.

Остановившись испить водицы у колодца, молодой князь так и застыл с кружкой, из которой выливалась вода на его расшитый золотом и серебром кунтуш. София, а это она подала князю кружку с водой, рассмеялась:

– Ой, пане, весь в воде...

Князь отвел глаза от ее синих очей и тоже расхохотался, вторя ее залиvistому, как перезвон колокольчика, смеху.

А когда они отсмеялись и посмотрели в глаза друг другу, то почувствовали, как будто бы молния пробежала между ними. Зарумянившись, София бросилась бежать к дому, а князь долго еще стоял у колодца.

Через день во двор к Потопякам вломилась толпа шляхтичей и князь, упав на колени, обратился к отцу Софии:

– Отдай за меня дочь!

– Что ты, что ты, – замахал на него руками тот. – Не пара она тебе, натешись, да и бросишь ее, а нам потом позора не оберешься. Ступай с богом, князь.

– Не хочешь по-хорошему – украду, пся кровь, – вспыхнул князь и в бешенстве ускакал, увлекая за собой сподвижников.

Отец Софии тяжело вздохнул, перекрестился: «Слава богу!» – и пошел утешать дочь.

Характер у него проклятуший: никогда не рассердится, но словами так доймет, что лучше морду бы тебе набил.

Как всякий малоросс, был ленив и хитер, любил прикинуться дурачком, чтобы провести начальство.

А еще через день исчезла София, не оставив и следа. Позже отец нашел на крыльце кожаный мешочек с золотыми монетами. Потом в губернии полыхнуло восстание, польских повстанцев сменили русские солдаты, настало время расправ.

В этой «мясорубке» сгинул молодой князь: то ли он был убит в бою, то ли казнен, то ли отправлен в ссылку.

София вернулась домой через год с маленьким ребенком на руках.

С этого времени в семье у Потопяков рождались дети с яркими васильковыми глазами.

Иван очнулся от окрика отца:

– Давай, Ваня, смени меня – берись за вожжи.

Иван на ходу поменялся местами с отцом, оглядел тянувшийся за их телегой обоз, успев помахать рукой Ксении, которая, зардевшись, спряталась за узлы с пожитками.

К вечеру обоз переселенцев добрался до околицы села Антоновка.

Как известно, одной из главных целей столыпинской аграрной реформы являлось переселение части крестьян на окраины Российской империи. Путем переселения царское правительство предполагало улучшить условия жизни, землепользования и хозяйствования крестьян.

Переселенцам предоставлялись льготы: с них снимались недоимки по казенным сборам; они освобождались от казенных и денежных сборов на 5 лет, а в последующие 5 лет этими сборами облагались в половинном размере; на 3 года им предоставлялась отсрочка от воинской повинности.

Переселенцы ехали в теплушках, переделанных из товарных вагонов, которые не имели ни отопления, ни вентиляции, ни санитарных удобств. Поезда добирались обычно до сретенского пункта, откуда переселенцы водным путем доставлялись до Благовещенска, где получали необходимые документы. Наши бедолаги провели здесь целую неделю.

Далее переселенцы решили добираться до места назначения сухопутным путем.

Дороги нельзя было назвать плохими – их вообще не было. Да и вдобавок ко всему в семи верстах от Благовещенска подводы увязли в зыбуне и больше недели переселенцы ждали, когда вытянут из трясины завязнувшие телеги.

Кратковременное пребывание русских в Приамурье во второй половине XVII века почти не оставило следов в географических названиях, за исключением нескольких случаев.

На месте русского города Албазин возникло село Албазино, на месте Кумарского острога – село Кумара. В районе селения Игнашино, основанного в XVII веке, было вновь основано село, названное Игнашиным. Остальные русские названия XVII века, такие, например, как Паново, Шилово, до нашего времени не дошли.

Русские названия появлялись, начиная со второй половины XIX века, после окончательного вхождения Приамурья в состав России и интенсивного переселения на Амур крестьян из западных районов России.

Первыми населенными пунктами в Амурской области были казачьи станицы на левом берегу Амура, основанные в 1857 и 1858 годах.

Крестьянские же селения в конце XIX – начале XX века возникали в стороне от реки, в южной части области с наиболее плодородными почвами.

Вырастая на новых местах, селения получали названия по имени или фамилиям первых переселенцев. Так получило свое название и село Антоновка, основанное в 1902 году и названное по фамилии первого переселенца Петра Антонова, поставившего свой дом на правом берегу реки Райчиха. Вначале поселение называлось Увальное и только тогда, когда появилось уже несколько дворов и жители привыкли считать дома, как «вправо или влево от Антонова», деревня стала Антоновкой.

Материальное положение переселенцев было незавидное. Все надежды возлагались на ссудную помощь. В то время размер ссуды на хозяйственное устройство для переселенцев в Амурскую область устанавливался в размере 200 рублей.

Конечно, эта сумма была недостаточной.

Отец с Иваном еще в дороге подсчитали, что на устройство хозяйства и приобретение инвентаря нужно ни много ни мало 745 рубликов.

В эту сумму входили: дом из бесплатного лесного материала при постройке собственными силами – 150 рублей; три лошади – 300 рублей; упряжь к ним – 100 рублей; плуг – 60 рублей; две бороны – 10 рублей; телега и сани – 40 рублей; коробка – 70 рублей; инвентарь – 15 рублей.

Отец полез чесать затылок, а Иван только покрутил головой.

– Ничего, Ваня, как-нибудь справимся, – сказал отец и хитро подмигнул сыну, – возьмем ссуду, если что...

А Иван вспомнил, как перед самым отъездом из Ходыванцев мужики собрались во дворе хаты одного из переселенцев. Они окружили стол, на котором был расстелен лист грубой бумаги, и, примолкнув, внимательно что-то рассматривали. Протиснувшись поближе к столу, Иван увидел самодельную карту, точнее, схему, где были без всякого масштаба изображены города, через которые они собирались ехать к месту назначения.

– Кака крива оглобля, – хмыкнул кто-то из мужиков. – Так шо, по такой кривулине и ехать будем?

– Получается, по дуге большого круга, – попытался подвести итог разговору самый грамотный из собравшихся, хотя и самый молодой, Иван Потопяк. Отец было цыкнул на него, но мужики загудели:

– А и впрямь как по дуге...

– Ага, вон она кака жизнь – как коромысло: на одном конце Ходыванцы, а на другом – даже и не знамо что...

Мужики замолчали, пригорюнившись, и стали расходиться по домам.

...Избу Потопяки срубили к концу осени. К этому времени поспели и все другие семьи переселенцев. Так что в зиму вошли в своих собственных хатах. Конечно, работать приходилось не только в световой день, но зачастую и ночью, пока сон не сваливал работников тут же возле сруба на уже пожухлую траву. По утрам отец будил Ивана с братом:

– Вставайте, хлопцы! Торопиться треба. Вже скоро снег ляжет, а у нас еще и крыша не накрыта.

Облившись холодной водой, чтобы прогнать остатки сна, братья брались за топоры. Работать под палящим солнцем было до одурения тяжело. Уже через час перед глазами все плыло, мелькали черные мушки, одежда напитывалась соленым потом, ее прокусывали оводы и слепни, тучей кружившие вокруг работников, корчевавших пни или отесывающих стволы только что поваленных деревьев.

Для выросших в безлесных местах Люблинской губернии переселенцев амурская тайга была в диковинку. Не умели они охотиться ни на зверье, ни на «дикоросы»: так называли старожилы дикий виноград, кишмиш, лимонник, грибы и прочие дары природы.

Лишь только через несколько лет, присмотревшись к корейцам и китайцам, как к местным, так и забредающим в поисках тех же дикоросов, начали они постигать «науку тайги».

Несмотря на поистине дикую усталость после работы по постройке домов, Иван, как и другие парубки из семей переселенцев, все-таки находили время, чтобы встречаться с девушками.

Молодость брала свое. Парни и девушки колготились на окраине села до утренней зари, потом пару часов короткого без сновидений сна и снова за работу.

Иван не сводил глаз со своей Ксении, с трудом дожидаясь мгновений, когда они оставались вдвоем.

Ксения не позволяла Ивану никаких вольностей, и он частенько потирал щеки, на которых отпечатывался след от оплеух, которые щедро влепляла ему подружка своей маленькой, но сильной ладошкой.

Ксения была на три года младше Ивана. В свои шестнадцать лет она выглядела вполне сформировавшейся девушкой. Зеленоглазая, с темно-русой косой до пояса, невысокая, но ладно скроенная, она не раз ловила на себе заинтересованные взгляды парней.

Однако Иван не позволял никому из парубков ни на один шаг приближаться к своей Ксюше.

Свадьбу сыграли в годовщину прибытия переселенцев в Антоновку. Была она скромной, «по достатку», как говаривали в семьях новобрачных. Через положенное время Ксения принесла первенца – горластую девочку, получившую имя Александра. Иван очень хотел мальчика, но раз так получилось, то пусть хоть имя будет мальчишечье, настаивал на своем глава молодой семьи.

Переселенцам в Антоновке было трудно. Ожиданиям и надеждам безбедной и зажиточной жизни не суждено было сбыться.

Впоследствии Иван писал в автобиографии:

«Ввиду того, что хозяйство не обеспечивало прокормление семьи, мы с братом пошли на заработки, и я вплоть до 1915 г. (до ухода в царскую армию) работал на постройке Амурской железной дороги, отрабатывал у кулаков за аренду земли, на которой отец сеял, а в последнее

время работал на Кивдинских угольных коях. В 1914 году началась Первая мировая война, а в 1915 я был мобилизован и направлен во Владивосток, где формировался полк, в составе которого мне довелось воевать на фронтах этой кровопролитной войны».

Для Ивана Потопяка наступило солдатское житье-бытье с артобстрелами, штыковыми атаками, нудными сидениями в окопах.

Сначала Иван попал в 11-й Восточно-Сибирский полк, расквартированный во Владивостоке, который перед самой войной вместе с другими «Восточно-Сибирскими» полками был переименован просто в Сибирский полк.

Новобранцы проходили ускоренное обучение на Русском острове, куда полк перевели на летние сборы и доукомплектование.

Полк прославился во время Русско-японской войны в сражении при Тюренчене.

Шло время, менялись поколения стрелков, но в строю еще оставались ветераны, помнившие этот бой, в основном фельдфебельский состав.

В редкие минуты отдыха от учений старые служаки, собрав вокруг себя группы новобранцев, рассказывали о событиях тех времен.

Иван, как и большинство новобранцев, жадно внимал этим немудреным воспоминаниям. Ведь происходило это не так уж и далеко от тех мест, где он жил после переселения на Дальний Восток. Особенно интересно было слушать фельдфебеля Спиридонова, грудь которого украшали два Егория и четыре медали «За храбрость».

«Подходил к концу третий месяц войны, – рассказывал ветеран. – В район пограничной реки Ялу, разделяющей Корею и Китай, приняли бой с пятикратно превосходящими силами японцев (три полных дивизии) четыре Восточно-Сибирских полка.

В задачу русского отряда входило только обнаружение противника и задержка неприятеля на переправе через реку Ялу непродолжительное время. Однако русским полкам пришлось принять бой.

Артиллерийская батарея и пулеметная рота (единственная в отряде) были накрыты огнем японских осадных орудий и уничтожены. Положение 11-го полка стало критическим. Почти вся японская армия обрушилась на него, охватывая с трех сторон и заходя в тыл.

Несколько раз под звуки полкового марша стрелки во главе с командиром бросались в штыковую атаку. Но японцы не принимали удара. Их передовые части откатывались назад и в упор расстреливали редкие шеренги сибирских стрелков. Погиб командир полка – полковник Лайминг, один командир батальона – подполковник Дометти убит, другой – подполковник Роевский тяжело ранен и взят в плен. Погибли командир артиллерийской батареи подполковник Моравский и полковой адъютант подпоручик Сорокин; ранен капельмейстер Лоос. Врач полка Шевцов, делавший на поле сражения перевязки, захвачен в плен. В этот момент полковой священник отец Стефан Щербаковский благословил солдат и, презрев смертельную опасность, сам пошел впереди боевого знамени с поднятым в руке крестом. Пробиваясь сквозь цепь японских солдат, неустрашимый пастырь был дважды ранен и вскоре пал без сознания. Раненые после перевязок и оказанной первой медицинской помощи вновь становились в строй.

Немалые потери полк нес во время отступления – приходилось под перекрестным огнем отбиваться от превосходящих сил противника и одновременно выносить на руках раненых. Выводил его раненый командир второго батальона подполковник Яблочкин.

Полк прошел всю войну, впереди его ждали Ляоян и февральские бои 1905 года. Везде, где бы он ни дрался, под руководством уже полковника Яблочкина, он не уронил славы, добытой в первом бою.

За всю кампанию 1904–1905 годов свыше 400 человек в составе полка были награждены орденами Святого Великомученика Георгия Победоносца и знаками отличия Военного ордена.

В 1907 году император Николай II назначил вдовствующую императрицу Марию Федоровну шефом полка.

А еще через три года состоялась передача полку дара императрицы Марии Федоровны – картины художника Ю. И. Репина «Тюренчен. В славной смерти вечная жизнь». Она была заказана сыну Ильи Репина, Юрию, к 15-й годовщине со дня создания полка». (Картина чудом сохранилась до настоящего времени и экспонируется в Приморской государственной картинной галерее города Владивостока.)

– Вот так-то, ребята! – закончил свое повествование фельдфебель.

Иван не раз вспоминал этот рассказ, и только впоследствии понял, что так новобранцам преподносили уроки патриотизма, чтобы шли они в штыковую атаку, свято веря, что сражаются «За Веру, Царя и Отечество». Хотя какое там отечество на Манчжурских сопках, а потом и в окопах под Салониками (Греция), куда забросила Ивана фронтовая судьба.

Солдатские будни на Русском острове проходили в жесточайшем режиме муштры и обучения стрельбы из винтовок Мосина, рукопашному и штыковому бою. Унтер-офицеры покривали суворовское:

– Пуля-дура, штык-молодец! – показывали на соломенных чучелах приемы обращения с оружием, командуя при этом:

– Делай-раз! Делай-два! Делай-три!

Недотепы получали незлобивые затрещины, а некоторые и увесистые тумачи от строгих «учителей». Чаще всего они доставались Ивану Сумареву, земляку из Антоновки.

Иван, понимая, что от его навыков будет зависеть жизнь на фронте, старательно выполнял упражнения, получая в награду одобрительные кивки своих начальников и не замечая злобных взглядов Сумарева. Об этих взглядах Иван вспомнит через двадцать лет. Месяца через два ранним осенним утром полк подняли по тревоге, погрузили на плашкоуты и после высадки на Адмиральской пристани построили поротно и быстрым маршем через арку Цесаревича вывели на Светланскую улицу в районе Главного морского штаба. Без оружия с шинельными скатками через плечо солдаты промаршировали по Светланской и повернули на Алеутскую к железнодорожному вокзалу, где их ждал пыхтящий под парами паровоз с прицепленными теплушками, на стенке каждой из которых чернела надпись «40 человек – 8 лошадей».

Воинский эшелон следовал почти без остановок и задержек.

Через открытые двери теплушки Иван видел мелькавшие словно призраки полустанки, села и города.

После Читы пошли смутно узнаваемые места.

«И снова Дуга большого круга», – подумал про себя Иван. Защемило на сердце, вспомнились Ходыванцы, трудное трудовое детство, полувзрослые забавы. После одной из них Ивану долго пришлось прятаться от парней, когда он подсыпал на площадку для танцев едкого табака. Девки тогда ходили без исподнего... и разбежались сразу после второго танца. В отместку они перестали появляться вечерами на площадке для посиделок. Каким-то образом парни прознали про виновника, и Ивану пришлось несладко.

«Вот дурак», – подумал Иван, невольно улыбнувшись своим мыслям.

«Как там Ксюша моя управляется?» – задал сам себе вопрос Иван и загрустил еще больше.

Оставив на ее руках годовалую дочку, он надеялся на то, что будет она жить все-таки у родных. Однако знал, что на своем собственном хозяйстве семьи Потопяков и Зозулей не вытянут, и придется ей на стороне искать какую-нибудь работу.

А в это время Ксения действительно подыскала себе место горничной в семье чиновника средней руки в Благовещенске.

Чистенькая, ухоженная, скромная – она сразу же понравилась хозяйке дома, в котором проживали помимо мужа и двух малолетних сорванцов ее родители.

В крестьянских семьях жизнь девочки до замужества представляла собой подготовку к семейной жизни. Ни о какой школе и речи не шло.

С семи лет после первых заданий по хозяйству: кормить кур, пасти гусей, выгонять корову на пастбище – объем работы по дому с годами нарастал. К шестнадцати годам она должна была уметь доить корову, работать на сенокосе, чисто убирать дома и на подворье, ухаживать за малыми сестрами и братьями, готовить еду, то есть становилась полноценной работницей.

Ксения выросла трудолюбивой, чистоплотной, и, как ни странно, в отличие от подружек была совсем не болтливой, а все радости и невзгоды переносила внутри себя.

Она нередко слышала от матери нелестные отзывы о соседях:

– Вот, грязные кацапы!

И, действительно, подворья украинских переселенцев резко отличались от русских. С началом лета во дворах у хохлов расцветали цветы, семена которых привозили еще с родимых мест. А на второй и третий год после переселения во дворах пышным цветом распускались пересаженные из подлесков пионы, лилии и другие диковинные и не виданные на Украине дикоросы, многие из которых почему-то не имели запаха.

А к концу лета, началу сентября, на огородах слепили глаза маленькие солнышки подсолнухов.

Иногда хозяйственная жилка переселенцев выходила за всякие пределы. За тысячи верст украинские бабы везли с собой округлые тяжелые камни – гнет для засолки капусты и поэтому, считали они, квашеная капуста на новом месте получалась такой хрустящей и вкусной, ну а «пелюска» – разрезанные на четыре части кочаны – была вообще верхом блаженства.

Во всех своих переездах таскала за собой Ксения огромную чугунную сковородку, вмещающую почти полведра начищенной и подготовленной к жарке картошки. И не зря! Забегая вперед, можно сказать, что здорово пригодилась она, когда ее второй по старшинству ребенок – сын, здоровяк Василий, запросто съедал за завтраком содержимое этой сковородки, а второй такой хватало на всех остальных семерых членов семьи...

Территории Амурской и Приморской областей, наиболее компактно заселенные выходцами с Украины, в этническом сознании переселенцев запомнились под именем «Зеленый клин». Происхождение этого названия историки связывают с буйной зеленой растительностью этих краев, а также географическим положением, «клином» между Китаем и Японским морем.

Современники так описывают села Приморья и Приамурья начала XX века: *«Мазаные хаты, садки, – цветники и огороды возле хат, планировка улиц, внутреннее убранство хат, хозяйственное и домашнее имущество, и даже одежда – все это как будто целиком перенесено с Украины».*

Базар в торговый день, например, в Никольск-Уссурийске (впоследствии переименованным в Ворошилов и Уссурийск) весьма напоминает какое-нибудь местечко на Украине. Та же масса круторогих волов, лениво пережевывающих жвачку подле возов, наполненных мешками муки, крупы, сала, свиных туш и т. п., та же украинская одежда на людях. Повсюду слышится веселый, бойкий, малорусский говор и в жаркий летний день можно подумать, что находишься где-нибудь в Миргороде, Решетиловке или Сорочинцах времен Гоголя».

Собственно, подобное наблюдалось и в других городах и крупных селах Дальнего Востока, в том числе и в Благовещенске.

Но это видимая, так сказать «парадная» сторона дела. Была и обратная сторона «медали».

Один из писателей того времени предупреждал переселенцев:

«...Зеленый клин – куда все желающие легкого хлеба, должны лететь как птицы. В этой стране, так же как и в других, нелегко зарабатывать себе кусок насущного хлеба, а кто хочет разбогатеть там, тот должен работать в поте лица своего: сама по себе земля ничего не дает; над нею приходится хорошо подумать и полить ее каплями своего пота».

Не на радость и беззаботную жизнь, а на тяжелый труд, на труд упорный, хотя и вознаграждающийся, должен ехать всякий переселенец... Всего там много, правда, дал Бог; но ко всему человек должен приложить свой труд и терпение, подчас не меньше, чем и дома на родной истощенной ниве. Кто боится этого труда или не умеет взяться за него даже у себя на родине, тот и в этом, как думают некоторые крестьяне, “раю” останется голодным. Напрасно такой человек бросит свой родной край, родных, родные могилы... Охватит его там раскаяние и пропадет такой человек. Таких несчастливцев много среди переселенцев: расстроили они свою прежнюю жизнь на родине и проклинают теперешнюю долю».

Благовещенск в отличие от многих городов дальнего Востока располагался на равнине, и улицы, построенные по заранее разработанному плану, были прямыми и широкими. Город на слиянии рек Амура и Зеи служил пристанью для перегрузки товаров с поездов на речные суда и обратно. Зимой пароходы отстаивались у берегов Амура.

Только на двух центральных улицах были построены около трех десятков больших кирпичных зданий, остальные строения были деревянными.

Жизнь в дореволюционном Благовещенске была значительно дешевле по сравнению с другими городами Дальневосточного края.

Изредка Ксению отпускали на побывку в Антоновку, где она пару деньков отдыхала от горьких дум.

Ксения ничего не знала о судьбе Ивана: где он, что с ним?

Из хозяйских разговоров и пересудов кумушек с улицы она понимала, что идет кровопролитная бойня, множество российских солдат уже полегли на полях сражений. А от Ивана ни одной весточки...

Да и когда она получит письмо, как прочитает – ведь неграмотная! Тут она подумала, что хозяева прочли бы, да где же эта весточка?

Ксения и так немногословная, все больше замыкалась в себе.

Так и прослужила она в Благовещенске почти два года, пока ветры революции не сдули хозяев в Китай, куда бежали, не зная толком зачем, обыватели города, имеющие более-менее правдами и неправдами нажитое добро.

...Уже на Германском фронте Иван попал в стрелковую команду 4-го дивизиона 2-й артиллерийской бригады. Основной задачей стрелковой команды была охрана артиллерийской позиции.

Перед очередным заступлением в ночной наряд на душе у Ивана словно «кошки скребли». Какая-то неосознанная тревога овладела им. Он поделился было тревожными мыслями со своим напарником Василием из Хабаровска, но тот только отмахнулся.

– Та ни чо! В первой раз, чо ли!

В этот раз их пост был на самых дальних подступах к батарее. Тревога не отступала. Дело было осенью, уже подмораживало. Заслышав какой-то подозрительный шорох, Иван сдернул винтовку с плеча, взял ее на изготовку и почти вплотную столкнулся с немецким солдатом. Иван успел сделать выпад и воткнул штык в живот противника. Выдернув винтовку из обмякшего тела, он передернул затвор, выстрелил в воздух и заорал:

– Тревога!

Какие-то тени словно растворились в ночной темноте. Иван выстрелил еще несколько раз...

Со стороны батареи спешила подмога. При свете вынырнувшей из-за туч луны Иван рассмотрел лицо убитого им немца. Молоденький, как он сам, солдатик лежал, запрокинув голову, уставившись в предрассветное сумеречное небо невидящими глазами. Иван отбежал в сторону и согнулся от нестерпимой боли в животе: его выворачивало наизнанку. В это время к нему подбежал командир роты штабс-капитан Маслов.

Иван выпрямился, вытирая выступившие от напряжения слезы, но не мог произнести ни слова.

– Ничего, ничего! Молодец, Потопяк, – похлопал его по плечу штабс-капитан, – немецкая разведка пожаловала, языка хотели захватить.

Василия из Хабаровска убили ножом в спину.

А через несколько дней штабс-капитан Маслов прикрепил к шинели Потопяка медаль «За храбрость» 4-й степени на георгиевской ленте.

Буквально через месяц Иван принял участие в штыковой атаке против немцев, прорвавших оборону русской пехоты и пытавшихся захватить батарею.

После боя грудь Потопяка украсила еще одна медаль – «За храбрость» 3-й степени.

Война все больше переходила в стадию позиционной, окопной.

В 1915 году Франция запросила у России ни много ни мало, 400 тысяч солдат для Западного фронта.

После долгих переговоров и уговоров Николай II решил послать во Францию две особые бригады из нескольких полков каждая.

1-я особая бригада была доставлена во Францию окружным путем – поездом из Москвы до Шанхая, а далее на судах – до Франции, где русские войска встречали как спасителей.

2-я особая бригада, в составе которой оказался Потопяк, направлялась на Салоникский фронт, который образовался в октябре 1915 года после высадки в греческом городе Салониках англо-французского экспедиционного корпуса.

2-я особая бригада должна была идти из Архангельска морем во Францию (Брест) далее по железной дороге до Марселя, а из него – пароходом в Салоники.

Транспортные суда не были предназначены для перевозки войск, к тому же существовала опасность со стороны немецких подводных лодок. Конвоя кораблей, который должна была поставить Англия, практически не было.

Наконец, преодолев все превратности морского перехода, суда прибыли в Брест.

Выделенные для содержания солдат необходимые средства из-за злоупотреблений и взяточничества со стороны офицерского состава не всегда своевременно доходили до нижних чинов.

Нередко возникали конфликтные ситуации, а во время стоянки в Марселе солдатами был убит командир батальона подполковник Краузе, подвергавший солдат жестоким наказаниям еще во время перехода морем.

В дело вмешался военный агент во Франции полковник граф Игнатъев, сумевший погасить конфликт. В результате следствия восемь человек были расстреляны.

Положение русских войск на Салоникском фронте осложнилось их небольшим численным составом, в результате чего ощутимо сказывалась тоска по родине.

Особенностями Салоникского фронта были тяжелые климатические условия, горная, болотистая местность, где свирепствовала малярия. Подхватил эту болезнь и Иван, добавив к ней суставной ревматизм, который был его спутником всю оставшуюся жизнь.

Среди нижних чинов особой бригады служил и ничем не примечательный 19-летний Родион Малиновский, с которым Потопяк был в приятельских отношениях и которому суждено было стать Маршалом Советского Союза.

Вообще сослуживцы уважали Потопяка, тянулись к нему, нередко просили спеть ту или иную украинскую песню, каких Иван знал множество. Обладая приятным баритоном, Иван покорял слушателей особой манерой исполнения, искренней задушевностью. Солдатское братство помогало переносить тяготы службы вдали от семей, от родных мест. На фронте Иван пристрастился к курению. Не было ничего слаще, когда в редкие минуты отдыха засмолить самокрутку, от которой беседа с сослуживцами плавно льется и думается легче. Кто же мог предугадать, что эта пагубная привычка приведет Ивана к неизлечимому недугу.

Через некоторое время 2-я особая бригада, где служил Потопьяк, вошла в состав Франко-русской дивизии под командованием генерала Дитерихса, «того самого, который в 1922 году станет земским воеводой Приамурского края и объявит крестовый поход против Советской России за восстановление монархии».

Дивизия Дитерихса участвовала в занятии города Монастыря перед самой зимой 1916 года. В этих боях Потопьяк получил легкую контузию от недалеко разорвавшегося снаряда и французскую медаль. Видимо, хранили его молитвы Ксении, в которых просила она у Господа сохранить жизнь рабу Божьему Ивану.

Ни одной весточки от него она так и не получила за все время этой проклятой войны.

На завершающем этапе участия русских особых бригад в Первой мировой войне произошли антивоенные выступления, началось расформирование бригад.

Именно на Салоникском фронте произошли первые «братания» Первой мировой войны между болгарскими и русскими солдатами. В этих братаниях довелось принять участие и Ивану. Он никак не мог понять, «почему славяне воюют друг с другом, почему “братушки”, говорящие на таком понятном языке, стреляют в него – Ивана? Что не поделили между собой россияне и болгары?» К тому времени Иван уже немного знал историю и понятия «Шипка», генерал Скобелев были для него не просто словами.

Между тем обстановка в русских войсках в начале 1917 года становилась тревожной. Февральские события только ухудшили ситуацию. Офицеры и солдаты, как во Франции, так и в Салониках, хотели разобраться в происходящем, но ничего у них не получалось. Они не знали, что происходит в России, так как не получали прямых сведений с Родины.

О Русском экспедиционном корпусе в угаре революции 1917 года на родине словно бы забыли. Впоследствии, о них так и писали «забытые русские войска». Тем не менее интересно высказывание маршала Фоша, подписавшего в 1918 году перемирие с Германией: «Если Франция не была стерта с карты Европы, то этим она обязана прежде всего России».

Кстати, он же был одним из организаторов вооруженной интервенции в Советскую Россию.

После принятия советским правительством «Декрета о мире», о котором узнали из французских газет, солдаты русского экспедиционного корпуса потребовали немедленного возвращения на родину. Однако французское командование заявило, что Декрет не распространяется на русские войска за рубежом. Антанта рассматривала русских солдат как безликую толпу, которую хотела определить если не на фронт, то на трудовые работы. К концу февраля 1918 года русские войска в Салониках были разделены на три группы: военные добровольцы, отправленные во Францию, трудовые рабочие и лица, требовавшие немедленного возвращения в Россию (впоследствии этих бузотеров отправили вообще подальше – в Африку).

Иван оказался в группе «трудовиков».

У солдат отобрали оружие, огородили лагерь колючей проволокой и выводили на работы только под охраной. Вот так «отблагодарили» союзнички русских «спасителей», как их называли еще недавно, когда экспедиционный корпус только прибыл во Францию.

Солдаты, попавшие в группу трудовых рабочих, считались «военнопленными», их обрекли на полуголодное существование, нередко подвергая побоям. Они работали на строительстве дорог, рубили лес, занимались земельными работами.

Иногда их направляли на работы в сельские хозяйства вдовушек или одиноких женщин. Солдат строили в одну шеренгу, и женщины указывали пальцем на какого-нибудь понравившегося им работника. «Положила глаз» на Ивана какая-то женщина в черной шляпке с вуалью.

Иван хотел отказаться, но разводящий погрозил ему кулаком, и он понуро пошел за женщиной, услышав за спиной перешептывание женщин.

Конечно, он не понимал, о чем они шептались, но догадывался.

– Опять мадам Реклю выбрала самого лучшего, – с завистью шептали «обделенные» кумушки.

Мадам Реклю окружила Ивана таким вниманием и заботой, о которых он давным-давно забыл, явно преследуя далеко идущие матримониальные цели.

Уже были известны случаи, когда русские солдаты-трудовики сочетались браком с одинокими француженками и навсегда оставались во Франции.

По-разному сложилась судьба сорока тысяч человек из состава особых бригад, покинувших Россию по приказу командования.

Некоторые остались на чужбине, не решившись по тем или иным причинам вернуться на родину. Другие вернулись, но были ли они счастливы? Одни, вероятно, сожалели о том, что не смогут никогда попасть в родные места. Других ждал бурлящий водоворот истории Советской России. Среди них был и рядовой солдат Иван Потопяк, который, не дожидаясь решения своей судьбы от высшего командования, сбежал из-под стражи вместе с тремя сослуживцами. К побегу они готовились заранее, сушили сухари, заготавливали продукты, раздобыли карту местности. Все это хранилось в тайнике, о котором знали только эти четверо.

Несмотря на надвигающуюся зиму, решили больше не откладывать побег и в ночь на 24 ноября 1918 года, спеленав охранника, четверка беглецов устремилась в неизвестность. Они не знали тогда, что Первая мировая война закончилась победой Антанты, отмеченной парадом войск во многих городах и даже во Владивостоке, а на просторах России всю полихала Гражданская война.

Как писал впоследствии Потопяк в своей автобиографии:

«...я с другими товарищами сбежал через Сербию в Румынию и под видом военнопленных мы пробрались в Украину, Москву и на ДВК (Дальневосточный край)».

Одиссея Потопяка длилась ни мало ни много, а еще почти полгода. Вспоминая это время, Иван удивлялся, как он и его товарищи пережили этот переход через несколько государств. Хотя по дорогам стран – участниц войны бродили тысячи неприкаянных, как и они, бывших солдат разных армий и народов.

Иван побывал и в тифозных бараках, сгорая от сыпного тифа, и в чистом поле, скрученный малярией. Выздоровливающие по тифозному барачу соседи спрашивали его:

– Что это за «дуга большого круга», про которую ты в бреду вспоминал?

Иван отшучивался:

– Если болячка скрутит в дугу, еще и не об этом заговоришь...

И вот он идет по центральной улице Антоновки, направляясь к дому Зозули, впитывая всем своим существом весенний таежный воздух. На реке вот-вот должен начаться ледоход, снег почти сошел, полихали багрянцем заросли багульника, в проталинах желтели подснежники.

Иван поднял глаза и увидел в воротах Ксению, а рядом с ней уцепившись двумя руками за юбку, стояла девочка лет пяти.

– Где же ты был, Ваня? – выдохнула Ксения извечный вопрос, который женщины всего мира испокон века задают своим непутевым мужьям.

– Потом, потом, Ксения, – шептал, припав к ней Иван, вдыхая полузабытый запах ее волос.

Из забвения их вывел тоненький детский голосок:

– Мама, а это кто?

– Да батька твой, будь он не ладен, – проговорила Ксения, вытирая слезы, непрошено выкатившиеся из глаз.

Иван подхватил на руки дочурку:

– Какая же ты большая стала!

Тут во дворе появились домочадцы, поднялся шум и гвалт, на улицу вывалилась семья Потопяков: отец, брат, сестры, заохали соседи. Ксения увела Ивана в дом...

Ночь они провели почти без сна: рассказывал в основном Иван...

Потопьяк писал в своей автобиографии:

«В апреле 1919 года я добрался в свое село Антоновку. Наше село, как и другие таежные села, являлись базой партизанских отрядов, и через несколько дней я уже имел связь с партизанами (отряд Старика) через моих деревенских товарищей, участвовавших в отрядах. В виду того, что по дороге я болел сыпным тифом и малярией (имеется в виду возвращение из Франции. – Примеч. авт.)...я по болезни не мог пойти в отряд и мне предложили принять сельский кооператив, посредством которого обеспечивать партизан продуктами и инструментом (пилы, топоры и т. п.), а главное, держать связь...»

Ксения, как могла, удерживала Ивана:

– Да охолонь ты, Ваня. В чем душа держится, а туда же, аника-воин...

Иван не внимал ее доводам, шутил:

– Дома и стены помогают, – стараясь обнять увертывающуюся от его рук жену, говорил он:

– Подожди, вот отъежусь на твоих харчах, отлежусь как следует, вот тогда держись!

А что тогда будет, он и сам не предполагал.

В один из дней декабря 1919 года Иван вместе со сватом Зозулей повезли на партизанскую базу очередную партию продуктов и инструментов. Выехали рано утром на двух санях. Морозец стоял не особенно крепкий, солнце еще только всходило, лучи его едва пробивались сквозь верхушки деревьев. Сдав продукты и инвентарь, два Ивана засобирались в обратную дорогу, намереваясь к вечеру добраться до села.

– Вы там поосторожнее, – напутствовал их Старик. – По сведениям разведки, в наших местах появился карательный отряд из японцев и белогвардейцев.

– Да ничего, может, пронесет, – ответил за двоих Зозуля.

По дороге к ним присоединились несколько саней односельчан, ездивших в тайгу за хворостом. Обоз приближался к Антоновке. Возглавлял его Зозуля, замыкал Потопьяк. Вечерело. Мороз крепчал.

Внезапно лошадь Ивана остановилась. Иван соскочил с саней, подошел к ней и увидел, что упряжь полностью рассупонилась. Махнув рукой вознице саней, замыкающей обоз: ежайте, мол, без меня, не останавливайтесь, потом догоню, Иван принялся перезапрягать лошадь. Обоз скрылся за поворотом. «Надо было самому запрягать», – запоздало подумал Иван. «А то доверился какому-то неумехе».

В негнущихся рукавицах перезапрягать было трудновато, а голые руки тут же схватывал мороз. Промучавшись с полчаса Иван, наконец, закончил с упряжью, облегченно вздохнул и прыгнул в сани, хлопнул Савраску вожжами по крупу. Однако застоявшаяся лошадка явно не спешила догнать обоз, тревожно прядая ушами. Ее тревога передалась Ивану, поэтому перед въездом в деревню он остановил лошадь и осторожно выглянул из-за деревьев. Он увидел, как группа японских солдат окружила обоз. Из саней, скрутив им руки, выволокли сельчан, в том числе и Зозулю, подтащили их к стогу сена, выстроили в ряд, отошли метров на десять и по команде японского офицера дали залп из винтовок. Затем японские солдаты подбежали к убитым, деловито подхватили за руки и ноги убитых и забросили на начатый стог сена. Стог облили бензином и подожгли. Сено сразу же занялось ярким пламенем.

Иван, окаменев, смотрел на эту дикую расправу, а очнувшись, бросился к саням и погнал лошадь по дороге на партизанскую базу.

Он разглядел в деревне до полусотни казаков и определил, что японцев было где-то около роты. В его ушах долго звучал женский крик и плач детей, когда казаки и японцы врвались в тот или иной дом.

Нахлестывая лошадь, Иван глотал и никак не мог проглотить подкативший к горлу комок.

Остановив лошадь у дозора, он сумел выдать только одно слово:

– К командиру!

Но Старик уже сам спешил к нему.

Иван рассказал о случившемся и добавил, что каратели как будто собирались выступить, отбирая у сельчан лошадей и сани.

– Ну что же, встретим, – коротко промолвил командир отряда и отдал необходимые распоряжения.

Определив место засады, отряд выступил к месту встречи с карателями.

Партизаны залегли с обеих сторон просеки, перегородив ее срубленными тут же деревьями. Иван примостился рядом с молодым корейцем Кимом. Оружие Ивану не выдали, в отряде с этим была напряженка.

Каратели вывалились из-за поворота и остановились, завидев засеку. В это время в конце колонны послышался треск, и дорогу к отступлению перегородили поваленные вековые кедровые великаны. Японцы и казаки заматались в ловушке, не видя противника и не зная, куда стрелять. Лежащий рядом с Потопяком Ким палил в белый свет как в копеечку.

– Ну-ка, дай, – отобрал у него берданку Иван, прицелился и выстрелил в японского офицера, которого сразу как будто смахнула с седла неведомая сила. Иван выстрелил еще и еще, каждый раз поражая выбранную цель. Ким восхищенно смотрел на него и протянул руку к винтовке:

– Отдавай, однако, я тоже хочу япошек стрелять!

Из карателей удалось уйти немногим, да и тех выловили партизаны из других отрядов. Больше Антоновку до самого окончания Гражданской войны не беспокоили ни белые, ни интервенты.

Дома Ивана встретила заплаканная Ксения, и торжествующая дочка с порога заявившая:

– А мы в погребке попрятались!

– Молодцы вы мои, – прошептал Иван и обратился к Ксении:

– Прости, что отца твоего не сберег, да и сам мог бы с ним... – не договорил он.

На месте того сожженного стога стоит на окраине Антоновки скромный обелиск с красной звездой и полустертой надписью: «Красным партизанам. 1919 г.».

После освобождения Дальнего Востока от интервентов и окончания Гражданской войны Потопьяк был назначен председателем и секретарем сельревкома, а затем был избран в первый сельсовет Антоновки. В 1924 году он вступает в партию, и с этой поры начинаются скитания его с семьей по селам и районам Амурской области, где он занимал на год-два различные должности. Дважды он учился в совпартшколах в Благовещенске и Хабаровске, пока в 1934 году не осел на несколько лет в Черниговке Уссурийской области председателем райисполкома.

С некоторого времени Иван Федорович начал одеваться в неутвержденную униформу ответственного совпартработника. Однотонный, как правило, серого цвета френч с отложным воротником и накладными карманами, такого же цвета полугалифе, заправленные в хромовые сапоги, картуз с широким козырьком. Добавляют этот портрет усы по-ворошиловски.

Ксения щедро одаривала Ивана детьми и в одной из довоенных автобиографий Иван писал:

«Семья моя состоит из шести душ детей. Все, за исключением одного мальшиа, комсомольцы и пионеры».

Однажды Иван возвратился с какого-то собрания довольно поздно и за ужином заявил Ксении:

– Знаешь, мать, пора тебе перестать быть неграмотной. Давай-ка собирайся на курсы ликбеза (ликвидация безграмотности).

– Ты что, отец, сдурел, – замахала руками Ксения. – А куда же я детей дену?

– Куда, куда? – не принял возражений Иван. – Завтра же пойдешь в избу-читальню к Ивану Вутенко. И хватит разговоров. Что непонятно будет, я тебе помогу.

Ксения походила на занятия, была «подвергнута испытанию» и, наконец, получила свидетельство. На толстом листе бумаги в «верхней части между надписями «Помни завет Ильича» и «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» были напечатаны слова Ленина: «Нам надо во что бы то ни стало, поставить себе три задачи: во-первых, учиться, во-вторых – учиться, в третьих – учиться». Свидетельство было заключено в рамку с незатейливым узором и гласило:

Свидетельство

Выдано настоящей гражданке с. Михайловки того же района Амурского округа Потопяк в том, что Испытательной комиссией в составе: Зав. избой-читальней Вутенко Ивана Михайловича, члена сельсовета Ничик Якова Алексеевича, завлитпунктом Малининой Феодосии Константиновны, подписавших настоящее свидетельство, Потопяк Ксения Ивановна была подвергнута испытанию и оказала удовлетворительные успехи в знании курса русского языка и математики, разбирается в некоторых политических вопросах.

На основании изложенного гр. Потопяк подлежит из исключения списка неграмотных с. Михайловка.

20 июня 1927 г.»

Под датой стояли неразборчивые подписи председателя и членов испытательной комиссии, скрепленные печатью по окружности, на которой читалось: «Михайловский сельский клуб Михайловского района Амурского округа».

На обороте свидетельства был напечатан «Наказ»:

«Дорогой товарищ!

Ты научился грамоте, ты победил на фронте просвещения. Помни, что теперь ты должен читать газеты, книги, чтобы понимать, что делается вокруг тебя. Иначе ты разучишься читать, иначе Советская Республика напрасно потратила деньги и силы на твое обучение.

Если раньше учили богачей, чтобы своими знаниями они укрепляли капиталистический строй, то теперь можешь учиться ты, чтобы, овладев знаниями, помогать укреплению нового строя.

Ты научился грамоте, но вокруг тебя – много неграмотных, которые не понимают, как важно научиться грамоте. Пойди же к ним, убеди их и приведи в школу.

Помни же это, товарищ!

...Знание в руках рабочих и крестьян – вернейший залог полной победы над капиталом во всем мире!»

Читать книги Ксении так и не приходилось. Шесть «душ» детей надо было накормить, одеть, проводить, встретить. Вот и вертелась она от стола – к печке, от печки – к столу и обратно.

Ксения всегда держалась в тени Ивана, которого было так много, что ей оставались только «задворки».

Однако она ловко управляла Иваном в незначительных ситуациях и хранила молчание в жизненно важных.

Многое из того, что рассказывал ей муж, Ксения не понимала. В мировой революции, пролетарии-гегемоне и коммунизме она не разбиралась. Зато всегда была готова радоваться и горевать вместе с ним, не вникая в недоступные дебри политики.

Ксения не была приучена к раздумьям, да и не хватало времени в переполненной трудом жизни.

В отличие от нее Иван пытался в первоисточниках читать сочинения основоположников коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса, вождей пролетариата В. И. Ленина и И. В. Сталина. К сороковым годам на изящной бамбуковой этажерке теснились полные собрания сочинений

этих мыслителей. И этажерка, и книги путешествовали с семьей от одного места к другому и сразу же занимали лучшее место в горнице. Конечно, штудировал Иван и газеты, обязательную «Правду» и местные многотиражки.

Иван сам себе не признавался, что так и не смог одолеть «ленинских заумностей» вроде «гносеологических корней истории» или «материализма и эмпириокритицизма», заочного спора Ленина с «ренегатом» Каутским...

Легче ему давались работы И. Сталина, особенно по «текущим моментам».

Иван Федорович искренне восхищался партийцами, которые могли вставлять в свои выступления на собраниях дословные цитаты из высказываний вождей, иногда даже не к месту.

Сам он тоже иногда прибегал к таким приемам, когда нужно было сказать:

– Как нам завещал великий Ленин, «Нужно верить в свои собственные силы», – или:

– Как говорит товарищ Сталин, «Нет в мире таких крепостей, которых не могли бы взять трудящиеся, большевики».

Художественную литературу, даже пролетарских классиков, он не читал, считая это занятие пустой тратой времени.

Привычка приходить на работу на час-полтора раньше начала рабочего дня у Ивана Федоровича выработалась давно. В это время никто не мешает и можно сосредоточиться на просмотре деловых бумаг. Через несколько минут начнется шум, появятся сотрудники, посетители, жалобщики, в помещении райисполкома повиснет атмосфера легкого сумасшествия, которая так отличает подобные организации.

В этот день, придя на работу, Иван увидел на столе развернутую газету-многотиражку «Черниговский колхозник». Газета, как всегда, начиналась с перепечатанной из газеты Центрального комитета ВКП(б) «Правды» передовицы «Счастливая жизнь колхозной деревни». Затем шли заметки за подписями «Учитель», «Пионер», «Рабочий» и др. о повседневной жизни района.

И вдруг Иван Федорович наткнулся на статью, заголовок которой был подчеркнут толстым красным карандашом: «*Что мешало Потопяку выполнить наказ избирателей (с совещания советского актива)*».

Иван Федорович перевел дух и углубился в чтение: «*Делать глубокий анализ работы райисполкома я не собираюсь, хочу лишь доложить акт передачи дел райисполкома тов. Прядко, который остается на работе вместо меня, – заявил бывший председатель РИКа Потопяк совещанию советского актива, проходившему 30 сентября 1937 года.*

Подобной отчетности актив не ожидал. Председатели Сельских советов, члены райисполкома – абсолютное большинство присутствующих на этом совещании высказали вполне справедливое возмущение, что им докладывают только “акт передачи дел”. Потопяк, правда, попробовал оправдаться, что он-де переходит на областную работу и по сему случаю должен был поставить на активе вопрос об утверждении акта передачи дел. Но это ему не помогло.

В районе орудовали и продолжают орудовать классовые враги. Их гнусная деятельность привела к полному развалу колхоза “1-е Мая” (Реттиховка), на протяжении целого ряда лет эти фашистские наймиты творили свои грязные дела в области животноводства, механизации сельского хозяйства, делали все для того, чтобы подорвать хозяйственную мощь района. А Потопяк, видите ли, докладывает “акт передачи дел”.

Актив потребовал от Потопяка рассказать о его связях с врагами народа Овчинниковым, Гриневичем и др.

Тов. Сумарев в своем выступлении заявил:

– Потопяк был близкий друг Овчинникова и Гриневича. С ними вместе он развратничал на шмаковском курорте. Пусть он расскажет, как они разворовывали государственные средства на свои пошлые прихоти. Пусть расскажет, за что он получал от этих врагов различ-

ного рода помощь и путевки на курорты. Следует заслушать Потопяка и о том, как они с Хазбиевичем “руководили” районом.

Выступление на этом совещании Алейникова было явно не большевистским. Он занял позицию постороннего наблюдателя, который способен только фиксировать факты. А ведь он в бюрократическом руководстве президиума РИКа Сельскими советами был не последним участником.

– Я, – говорил тов. Копачевский, – посылаю людей на выполнение плана сенозаготовок, а Алейников, следом за мной, шепчет этим людям на ухо, чтобы сена не возили – как это называется, пусть скажет сам Алейников.

Участники совещания высказали свое мнение и том, что вражеская рука была приложена в районе и к обязательным поставкам государству сельскохозяйственных продуктов и овощей. Что в деле заготовок была вражеская очередность, которая привела к срыву выполнения плана заготовок. По овощам план выполнен только на 16 процентов – неслучайно.

На совещании выяснилось, что в 1935–1936 гг. механически были зачислены в группу рабочих единоличники, которых полностью освободили от государственных обязательств. И это не могло не отразиться на организационном укреплении колхозов.

Руководство колхозами президиум райисполкома и райзо осуществляли через голову сельских Советов. А это привело к тому, что многие сельсоветы самоустранились от руководства колхозами, сняли с себя всякую ответственность за состояние колхозов.

В колхозах орудовали враги народа, сельские Советы оставались пассивными наблюдателями. Вражеских действий не распознавали, с врагами не боролись.

Без вражеских действий не обошлось и в деле финансирования. Имеются факты, когда сельские Советы в течение целого года не имели возможности своевременно выплачивать даже зарплату своему штату, не говоря уже о том, что на благоустройство села они вообще не могли израсходовать ни рубля. А в конце года с бюджетов сельсоветов списывались большие суммы средств, как неизрасходованные. В этом следует разобраться.

Бывший председатель райисполкома окружил себя подхалимами типа Рябовых, которые способны были только на то, чтобы угодить своему начальству.

Только этим и объясняется, что строительство райкомхоза ограничилось оградой потопяковской квартиры и тротуаром до квартиры Потопяка. Продолжить тротуар дальше подхалим Рябов не мог из-за отсутствия у него досок...»

Подписи под статьей не было, но Иван Федорович и так понял, чьих это рук дело.

– Опять этот Сумарев... – вслух проговорил председатель РИКа. – Вот воистину – мал клоп, да вонюч.

Дело в том, что Иван Сумарев уже проживал в Антоновке, когда туда переселились украинские семьи из Ходыванцев.

Отношения между двумя Иванами сразу же не заладились. Они были одногодками. Но если Потопяк был привлекательным кряжистым парубком с кудреватым чубом и ярко-синими глазами, то Сумарев всем своим обликом походил на худого лиса с вытянутым вперед лицом и маленькими глубоко запрятанными глазками неопределенного цвета. Он сразу же приударил за Ксенией, но получил от ворот поворот не только от нее, но и от Потопяка, чьи кулаки не один раз прохаживались по физиономии Сумарева.

Злость и ненависть переполняли Сумарева. Он, как мог, вредил Потопяку и в Антоновке, и тогда, когда их вместе забрали в армию.

Но на фронте их пути разошлись: Потопяк попал в артиллерию, а Сумарев – в пехоту.

Больше они не встречались до самой осени 1934 года, когда в газете «Коммунар» одна за одной появились заметки с хлесткими заголовками: «Знает ли Никольский горсовет» и «На глазах у районного руководителя». Конечно, они были без подписей.

Автора этих заметок он сразу узнал, увидев его на заседании оргкомитета Уссурийской области. Сумарев с ехидцей поглядывал на Потопяка, ожидая не меньше, как снятия его с должности.

Но этого не случилось. До тридцать седьмого еще было три долгих года.

Сумарев работал в должности, которая по принятому в то время порядку все сокращать, называлась совсем непонятно – облуполкомзаг. Расшифровать ее с ходу не всякому было под силу. Потопяк совсем не к месту вспомнил прочитанное недавно в одной из газет о «замком-поморде», что означало «заместитель командующего по морским делам». Он невесело улыбнулся.

Вспомнил он и слова отца, который наставлял его: «Не любят “первых” и победителей, зависть редко кто превозможет. Если ты первый да лучший, внимания не теряй, обязательно найдется злыдня, чтоб тебя изничтожить».

Когда зачитали постановление от 23 октября 1934 г.: *«Обратить внимание председателя Черниговского РИКа тов. Потопяк на отсутствие классовой бдительности и отсутствие тщательной проверки состава сельсоветов, благодаря чему в Черниговский Совет пролезли чуждые элементы.*

...Обязать тов. Потопяк в пятидневный срок провести обследование работы в составе Черниговского сельсовета через собрание избирателей, отвести из состава сельсовета пролезших чужаков (Буйвол, Монастырный)...»

Потопяк облегченно вздохнул, а взглянув на Сумарева, физически ощутил, как тот заскрипел зубами от злости.

Потопяк не знал, что это только начало...

Выйдя с заседания Сумарев, никого не дожидаясь, пошагал к своему дому, к своему одиночеству. По дороге он вспоминал прошлое, Антоновку, Ксению, проклятого Ваньку Потопяка, муштру на Русском острове.

Солдата из него так и не получилось. Он, используя особенности своего льстивого характера, сумел пристроиться писарем в штабе, где и просидел до самого 1917 года. В Антоновку он так и не вернулся. Добравшись до Уссурийска, Сумарев пригнулся под боком у какой-то вдовушки. Вступив в ВКП(б), ушел от нее, найдя хлебную должность в Уссурийском управлении сельского хозяйства.

Он часто разъезжал по селам Уссурийской области, и однажды в Черниговке увидел Ксению с Иваном и детьми, направлявшимися к кому-то в гости. Они скользнули по нему равнодушным взглядом, не узнали – с последней встречи промелькнули уже лет двадцать – и прошли мимо, беседуя о чем-то своем.

Когда прошла первая оторопь, Сумарев позеленел от злости: «Подожди, Ванька, ты еще вспомнишь меня. А ты, Ксенька, у меня в ногах ползать будешь!» С той поры у него была одна только цель – мстить, и мстить жестоко.

Через несколько дней в областной газете «Коммунар» была перепечатана заметка из многотиражки «Черниговский колхозник», но уже под заголовком «Обанкротившиеся руководители» и за подписью никому не известной Алтайской.

На следующий день после выхода в свет газеты «Коммунар» состоялось закрытое собрание первичной партийной организации Черниговского райисполкома.

Партийцы старались не встречаться взглядами с Потопяком и, не здороваясь с ним, молча протискивались к плотно расставленным скамейкам. Не было ни приветственных шуток, ни обычного в таких случаях шума-гама. Еще бы! Рассматривалось персональное дело председателя РИКа, обвиняемого в пособничестве врагам народа, хотя в повестке дня стояла формулировка «О заметке, помещенной в газете “Коммунар” за 28 сентября 1937 года».

Председателем собрания был избран Ефим Пашук, секретарем Григорий Хривков.

Иван Федорович сидел, нахмурившись, ни на кого не глядя, крепко сжимая и разжимая пальцы рук. Лицо его осунулось, под глазами залегли темные круги – свидетели бессонной ночи.

Иван Пашук, откашлявшись, обвел присутствующих строгим взглядом:

– Ну что, начнем, товарищи. – И продолжил:

– Слово предоставляется товарищу Потопяк.

Потопяк встал и стараясь скрыть волнение, заговорил:

– Меня обвиняют во вредительстве, в развале колхоза и пособничестве врагам народа. Я принимаю на себя немалую долю вины за последствия вредительства врага народа Золотаря, бывшего директора МТС, я виноват в том, что не проявил достаточно бдительности к этому двурушнику. О Золотаре я знал еще раньше по работе в Бочкаревском районе. Вопрос о Золотаре разбирался в партийном порядке спецкомиссией, но принадлежность его к белым не установлена, и Золотарь был оставлен в рядах ВКП(б). Я не скрывал этого и говорил здесь уже, в райкоме при обмене партдокументов. Теперь ясно становится, что я благодаря притуплению классовой и политической бдительности не разоблачил врага народа Золотаря.

За развал колхоза ясно, тут виноваты мы все, в том числе и я. Мы должны нести большую ответственность за это. Правда, данный колхоз всегда работал у нас плохо, но в этом виноваты, в первую очередь, мы с вами, что плохо руководили. Об оздоровлении данного колхоза я ставил вопрос в райкоме перед товарищем Лариным и на пленуме райкома выступал и говорил, что колхоз буквально разваливается, что живет без устава сельхозартели.

Непосредственно моего участия во вредительстве, заявляю, не было, хотя ошибок и недочетов в работе было много. Выявленные враги народа обманывали партию и меня, прикрываясь недочетами в работе. У меня все, – закончил он.

– А как насчет социального положения? – раздался голос из зала. Иван Федорович коротко ответил:

– В 1910 году я переселился на Дальний Восток. Отец мой – батрак. В 1915 году я был призван в старую армию. В 1919 году мы бежали из плена через Румынию и Украину. До 1922 года работал в сельхозкооперации. В 1922–1924 годах работал в сельревкоме и сельсовете. В 1924 году вступил в ВКП(б), был послан на учебу в совпартшколу и по окончании ее до 1928 года состоял на партработе в аппарате райкома. Позднее был направлен в Тамбовский район завормом. Последнее время до приезда в Черниговский район работал в Иманском районе. В 1930 году работал в Завитинском районе секретарем райкома. Жена из батрацкой семьи с одного места со мною.

Про себя он подумал: «Целая жизнь, а уложилась в несколько предложений».

– Больше вопросов нет? – спросил председатель.

– Вопросов не поступало, – ответил он сам себе, разрешил сесть Ивану Федоровичу и объявил: – Ну а теперь слово предоставляется товарищу Грищенко.

Грищенко встал к трибуне и заговорил:

– Прибыл на работу заведующим райзо в Черниговский район в августе 1934 года. До обмена партдокументов о Золотаре ничего не знал. В Хабаровске, будучи в командировке, Золотарь мне рассказал, за что у него во время чистки были отобраны партдокументы, там же узнал о том, что у него отец расстрелян красными партизанами. Связь у меня с Золотарем была только деловая, никакой другой с ним связи не было.

Чеманов и Хавкин из Крайзу восхваляли Золотаря, отзывались о нем, как о хорошем работнике. Чеманов говорил, что пусть Золотарь приезжает в любое время ко мне, я ему всегда дам отпуск и путевку на лечение. Об этом я не молчал, говорил Маслову и Терцу, я считаю, что связи у меня с Золотарем, кроме деловой, не было. Золотарю был создан большой авторитет. Все заявления Золотаря сваливались на наших работников, чтобы замаскировать свою вредительскую деятельность в сельском хозяйстве.

В отношении развала колхоза «1-е Мая» в Реттиховке виноваты мы все, вся наша парт-организация. Я сам, будучи в командировке в данном колхозе, привез материалы, но это все у нас в районе замяли, и ничего не было сделано. Больше я в этом колхозе не был. Я принимаю большую долю вины за развал колхоза потому, что будучи заведующим райзо не предпринял необходимых мер и не разоблачил непосредственных вредителей и пособников этого развала.

Животноводством я не занимался, а с животноводством у нас в районе, всем известно, неблагополучно, и не без вредительства. Связей у меня с Сандулом не было. Ошибок и недочетов в работе у меня много, с работой я не справляюсь, об этом я говорил в РК ВКП(б) и товарищу Потопяку.

Грищенко помолчал и добавил:

– Родился в 1906 году в Сибири в селе Ужаниха. В 1917 году мы переселились в Западно-сибирский край, братья работали в батраках, старший брат служил в старой армии. У белых никто не служил, старший брат в настоящее время работает в колхозе, до 1928 года работал на политпросветработе, с 1930 года работал на руководящей работе в хлебживсоюзе по 1934 год. Потом был на учебе и с 1934 года работает в Черниговском районе в райзо.

Вопросов не было и слово предоставили Сычугову, который себя виновным во взяточничестве не признал, потребовал от парторганизации детальной проверки. Ненюков от работы отстранен и вовсе к ней не допускается. О Дергунове поставлен вопрос об увольнении с работы сразу же по возвращении с военной подготовки.

В прениях первым взял слово Сычугов:

– Когда я был в колхозе «Ворошилов», меня колхозники спрашивали: «Нет ли вредительской деятельности в МТС?» Уже тогда рядовые колхозники чувствовали, что в МТС организовано вредительство, потому что трактора стояли, не работали, об этом по приезде сразу поставил вопрос перед Масловым в райкоме партии.

Виноваты здесь и органы НКВД – плохо они работали. На президиуме РИКа, чтобы замаскировать свою вредительскую деятельность, Золотарь требовал отдачи под суд трактористов, председателей колхозов и сельсоветов.

Эмоционально, даже с каким-то надрывом, не стесняясь выражений, выступил Алейников:

– Статья в «Коммунаре» для нас является большим политическим сигналом, мы обязаны ее критически разобрать и найти действительных виновников в пособничестве вредителям и врагам народа типа Золотаря и других гадов.

Немалую долю партответственности должен нести товарищ Потопяк – он был руководитель района. Кто создал авторитет Золотарю? Руководители района Хазбиевич, Потопяк, Бабич. Мы все, а они в первую очередь, должны были разоблачить и изгнать из рядов партии врага народа Золотаря, а они его не разоблачили, а, наоборот, прикрывали и замазывали его вредительскую работу, имея о нем сигналы и зная его прошлое, что отец его расстрелян красными партизанами.

Золотарь пользовался таким авторитетом у бюро райкома ВКП(б), что, видите ли, мог давать политическую оценку активу коммунистов. Вредительская работа Золотаря чувствовалась в работе и руководстве колхоза «Искра», а все свели впоследствии к недооценке этого колхоза со стороны МТС.

В общем, досталось Потопяку изрядно. Окончательно добила его вздорная и язвительная Авдотья Рудзева:

– Золотаря я знаю с 1933 года, будучи в колхозе «Ворошило» в Дмитриевке. Когда он приехал в колхоз, я сильно болела. Он грубо накричал на меня и заявил: «Если ты кандидат партии, то нужно пойти на свеклу и умирать не дома, а на свекле». Товарища Потопяка я считала красным партизаном. Я знаю, что в тот момент почти все способное население в селе, где жил Потопяк, не находились, а уходили в партизаны и боролись не жалея жизни, а Потопяк

залез в кооперацию и отсиживался до последнего времени – мне кажется, что товарищ Потопяк покровительствовал врагу народа Золотарю.

В заключительном слове Потопяк, запинаясь и едва ворочая языком, проговорил:

– Я мог бы получить партизанский билет, если бы захотел, но... – не находя слов он помолчал и добавил: – Неоднократно я лично указывал товарищу Грищенко, что руководителем сельского хозяйства в районе являешься ты, а не директор МТС, но он этого не учел.

Я не отрицаю того, что болел идиотской болезнью – политической беспечностью. В результате только этого я не сумел разоблачить вредительскую деятельность врагов народа Золотаря и Ваткина, допустил целый ряд больших недочетов в работе. Бесспорно, что большинство членов бюро РК ВКП(б) вместе с бывшим секретарем райкома Хазбиевичем были на стороне Золотаря, а сам Хазбиевич его всегда выдвигал как лучшего работника.

После непродолжительного обсуждения Потопяку объявили строгий выговор, а Грищенко отделался просто выговором.

Возвратившись с собрания, Иван устало присел на табуретку за кухонным столом, на котором уже стоял незамысловатый ужин и проронил буквально несколько слов:

– Устал я, Ксюша, сил никаких нет. – И добавил: – Строгий выговор объявили, а что дальше будет – и не знаю даже.

Ксения успокаивающе взмахнула рукой:

– Да ладно тебе, не переживай так.

– Как не переживай! Впереди еще бюро обкома. Времена сейчас крутые, говорят, что Хазбиевич арестован, так что и мне надо готовиться к худшему, а если исключат из партии... – он не договорил, – будет совсем тяжко.

Дурное предчувствие не обмануло Ивана. К тому времени, когда его дело целых два дня рассматривали на бюро Черниговского райкома ВКП(б), Хазбиевича уже расстреляли в Хабаровске.

Золотарь был расстрелян еще раньше. Шел 1937 год, который вошел в историю страны как «расстрельный».

В дело Потопяка легла секретная выписка из протокола № 39 от 5 и 6 октября:

«За потерю классовой бдительности, за сокрытие от парторганизации засекреченного бюро по выдаче партбилета врагу народа Золотарю, за дачу положительной характеристики врагу народа Золотарю, чем дал возможность еще более замаскироваться врагам народа и проводить вредительскую работу в районе по развалу сельского хозяйства, а также еще более позволил законспирироваться Хазбиевичу, как пособнику врагов, Потопяка Ивана Федоровича из рядов ВКП(б) исключить».

А перед этим в последних числах сентября в «Коммунаре» появилась как бы заключительная статья с обвинительным заголовком «Черниговские пособники врагов народа» и подписано только инициалами Б.Ч.

Потопяк не раз прочитал эту статью, внимательно обдумывал буквально каждую строчку.

«После февральского Пленума ЦК ВКП(б) и доклада товарища Сталина черниговская парторганизация разоблачила врагов народа – бывшего директора МТС Золотаря и бывшего директора МТМ Баткина. Но дальше этого работа по выкорчевыванию врагов народа и их агентуры не продвинулась. Причиной этого явилась политическая слепота членов бюро райкома партии и немалое количество оставшихся еще пособников, либералов и подхалимов.

Бывший секретарь райкома партии Хазбиевич (бывший эсер) выдал во время обмена партдокументов партийный билет врагу народа Золотарю. Сейчас выясняется, что Хазбиевич знал из письма, присланного в райком партии “группой красных партизан” о том, что Золотарь – враг народа. Он знал, что Золотарь сбежал из-под расстрела красных партизан и что отец Золотаря расстрелян, как контрреволюционер. Об этом письме знали подхалимы в райкоме Сысак, Маслов, Брацюк и Грищенко, но и они молчали и молчат до сих пор. На район-

ной партийной конференции они также скрыли от коммунистов это дело. Большие того, они активно выступали за то, чтобы дать работе райкома партии удовлетворительную оценку.

Хазбиевич работал в районе, расхваливал Золотаря и Грищенко, как хороших работников и лучших коммунистов, зная о том, что некоторые колхозы («Первое мая», им. Энгельса) разваливались Золотарем и заврайзо Грищенко. Колхозом «Первое мая» не принят до сих пор устав сельскохозяйственной артели. В колхозе более года нет председателя. Планы там не выполняются, имущество растранижается.

Райком партии посылает в этот колхоз для «помощи» врага народа Золотаря и заврайзо Грищенко, который вместе с врагом Сандулом пьянствовал, и до сих пор держит связь с женой этого врага. Понятно, какова была их «помощь».

После этого райком партии вторично посылает в этот колхоз Золотаря и Грищенко и, естественно, что состояние колхоза с «помощью» врагов оставалось по-прежнему скверное.

Колхоз имени Энгельса также при помощи Золотаря и Хазбиевича развалился.

Пособник шпионов Хан Александр (сейчас исключенный из комсомола) пробрался в комсомол при помощи коммунистов Нам Давида и Лян Федора, и ими рьяно защищался. Хазбиевич об этом знал, но не разоблачил этих врагов, а, наоборот, взял их под защиту и послал на учебу в ВКСХШ, а пособника врага Хана Александра поставил бригадиром в этом же колхозе.

Хазбиевич и его жена, бывший культпроп райкома ВКП(б), Шварцман, долгое время в районе проповедовали о том, что в СССР нет классов. Сам Хазбиевич до последнего дня считался у врагов народа Лаврентьева, Слинкина и Овчинникова лучшим работником.

Всю эту работу Хазбиевича райкомовские подхалимы знали и знают, но умалчивают до последнего дня.

После разоблачения Золотаря, критика и самокритика в районе все еще отсутствуют. Положение не улучшается. На последнем пленуме Черниговского райисполкома Грищенко в своем докладе ничего не мог сказать о подготовке к уборке поздних культур, потому что сказать ему было нечего. Грищенко пытался на пленуме втереть очки, говоря, что четыре комбайна готовы к уборке поздних культур. Но выступающие председатели колхозов разоблачили его, доказав, что ни одного комбайна в районе нет, подготовленного к уборке поздних культур.

На этом же пленуме опять говорили о развале колхоза «Первое мая». Пленум принял либеральное решение, указав президиуму РИКа на недопустимость такого отношения к колхозу. Председателю райисполкома Потопяку удалось оправдаться по вопросу развала колхоза, хотя некоторые члены пленума требовали привлечения к ответственности конкретных виновников развала колхоза. А одним из этих виновников является Потопяк.

Умалчивается руководителями района и такой, всем известный факт, как взяточничество нарсудьи Сыцугова, его пьянство и засоренность аппарата суда пьяницами.

Жулики рисо завода, которые воровали целыми вагонами, остаются до сих пор безнаказанными. Брацюк считается первым подхалимом в райкоме.

Большинство указанных фактов известно районному прокурору Левицкому. А он всячески пытается оправдать врагов народа, расхитителей колхозной собственности в колхозе «Первое мая». Он отпустил безнаказанно из района жулика Вороновского и дал возможность скрыться другому жулику – бухгалтеру, который увез более 10 тысяч рублей денег. На сигналы парторга Мотовой Левицкий внимания не обращал.

Новый секретарь райкома партии тов. Ларин еще не взялся за выкорчевывание в районе врагов. Недавно райком утвердил райлитом некоего Трофименко – сына торговца, у которого родители жены находятся за границей. Немало пособников в районе до сих пор остаются безнаказанными.

На последнем пленуме решили отпустить предрайисполкома Потопяка на областную работу без заслушивания отчета. Отчет Потопяка следовало бы заслушать. Он во вредительской работе, проводившейся в районе, был не последним участником».

Последнюю строчку Иван Федорович прочитал вслух: «Он во вредительской работе, проводившейся в районе, был не последним участником».

Слова звучали как приговор...

«Все!» – подумал председатель райисполкома.

Через несколько дней его вызвали в районное управление НКВД.

Вел его дело молоденький лейтенант, видимо, только недавно получивший это звание.

Он вежливо попросил изложить на бумаге суть дела, а когда Иван Федорович заявил, что будет подавать апелляцию, снисходительно улыбнулся, пожал плечами и пожелал удачи:

– Пишите апелляцию, а мы пока подождем...

Придя домой и успокоив кое-как жену, Иван приступил к составлению апелляции и письма – объяснения в Уссурийский обком и в редакцию газеты «Коммунар». При тусклом свете коптилки он писал, переписывал, рвал написанное и снова писал... Лишь к самому утру он удовлетворенно вздохнул, сложил аккуратно листки исписанной бумаги и, не раздеваясь и стараясь не разбудить Ксению, прикорнул на кровати. Очнувшись от короткого даже не сна, а какого-то забытья, Иван взглянул в окно, за которым вставало уже не такое яркое, как летом, солнце, обещая теплую и так характерную для приморского края осень.

Иван еще раз перечитал написанное:

«Уссурийскому обкому ВКП(б), редакции “Коммунар” от Потопяка И. Ф.

ОБЪЯСНЕНИЕ

В газете “Коммунар” от 11/X с/г. помещена статья под заголовком “Обанкротившиеся руководители”. Эта статья взята из газеты “Черниговский колхозник” от 7/X. По этим статьям считаю необходимым дать следующее объяснение в связи с переводом меня на другую работу согласно решения бюро обкома ВКП(б). Я телеграммой просил уполномоченного Совконтроля выслать представителя для передачи дел РИКа. В ответ я получил телеграмму примерно следующего содержания, что представителя не будет, передавайте дела сами, акт передачи обсудите на активе и вышлите в Совконтроль. Акт передачи мы составили очень короткий, а основным материалом к акту являются тезисы, составленные для отчета РИКа и приложенные к акту.

Я в начале своего доклада на активе объяснил телеграмму уполномоченному Совконтроля и сказал, что считаю основным материалом тезисы к отчету, утвержденные бюро райкома ВКП(б) и по ним буду делать доклад. Доклад я делал один час двадцать минут за период моей работы больше 3-х лет, и безусловно всего я не охватил, и активом совершенно правильно был отмечен целый ряд незатронутых вопросов и правильно критиковал работу РИКа и мою, в частности. Перед концом актива на совещании появился облуполкомзаг тов. Сумарев и сразу выступил примерно со следующей речью, что актив должен потребовать от меня, чтобы я рассказал о своих связях с врагами народа Гриневичем и Овчинниковым, как я ездил на курорты и т. п. Высказавшись, Сумарев также внезапно исчез, как и появился. Я в конце заседания дал объяснение активу по выступлению Сумарева и даю его сейчас, поскольку оно напечатано в газетах. Я заявляю, что никаких буквально дружеских отношений ни с Гриневичем, ни с Овчинниковым – врагами народа, у меня никогда не было, и никогда в жизни я с ними ни на каких курортах не был, и никакими “пошlostями” не занимался. До приезда Гриневича и Овчинникова в Уссурийскую область я их совершенно не знал, ибо я, как дальневосточник, работаю все время на ДВК, а они не знают откуда, во всяком случае, из центра. С Гриневичем я бесспорно имел служебные дела, как с председателем Облсполкома, а с Овчинниковым и этого не было.

Я давно болею суставным ревматизмом и осенью совершенно свалился с ног, подал заявление, чтобы мне дали возможность повторить лечение после 1932 года. Было решение области отпустить меня на лечение на курорт Мацеста согласно заключения врачебной комиссии с 20/X 36 г. и поручено зав. облздравом Плеханову обеспечить меня путевкой. Путевки в обла-

сти не было. А из края путевки Плеханов не достал. Я попросил его дать мне возможность принять несколько электрических ванн в Ворошиловской поликлинике. Мне предложили это лучше сделать в Шмаковке, ибо там организован дом отдыха. Я поехал туда и пробыл там 6 дней, приняв 5 электрических ванн. В течение всей зимы Плеханов путевки мне не достал, и только в конце посевной я опять возбудил ходатайство, и 25/IV с/г. состоялось решение бюро Крайкома ВКП(б), и я выехал на курорт Мацесты. В области путевки не получал, а выдали мне деньги на основании решения президиума облисполкома. На каком основании Сумарев заявил о моих «пошлых прихотях» и т. п. для меня не известно, и уверен, что никто не может этого доказать, ибо я в жизни никогда «пошлостями» не занимался и не думаю заниматься, и мне не до этого было и ранее и теперь. Актив хорошо знает мое состояние здоровья, и никто, кроме Сумарева, не ставил вопросы о моем курорте, так же и «пошлых прихотях».

В последнем абзаце упомянутых статей написано, что коммунальное строительство ограничилось оградой Потопякской квартиры и т. д.

Я в течение 3-х с лишним лет жил в квартире с абсолютно разваленным забором и без всяких тротуаров, и по приезде в Черниговку я в первую очередь занялся приведением в порядок двора РИКа. Мы огородили его и сделали древонасаждение, построили гараж, так как машины стояли на улице, провели по Черниговке около 5 километров гравийной дороги, построили звуковой кинотеатр с паровым отоплением, построили, хоть и неважную, баню, и, наконец, построили небольшую электростанцию, осветив учреждения и частично центр Черниговки. Это факты, которые можно всегда проверить. В этом году помимо других работ построили 405 метров новых заборов в т. ч. возле моей квартиры 42 метра. Я не хочу сказать, что по благоустройству мы работали хорошо, наоборот, очень скверно, однако неверно будет сводить все только к ограде моей квартиры.

Вопрос о том, что в районе орудовали враги народа и вредители, я, бесспорно, несу ответственность перед партией за то, что проглядел, о чем более подробно изложил в своей апелляции».

Иван поставил подпись, приписал «с. Черниговка», поставил дату 15/X 37 г., положил на стол ручку и тяжело вздохнул.

Последующий год для него самого, да и для семьи был, наверное, самым тяжелым. Его регулярно вызвали в районное отделение НКВД, побывала там и его старшая дочь Александра, которая к тому времени закончила Мичуринскую сельскохозяйственную академию и приехала агрономом в Черниговский район «поднимать сельское хозяйство».

Молодой лейтенант Дуюнов, ведущий дело ее отца, проявлял к ней не только служебный, но и личный интерес.

Шура принимала его ухаживания довольно-таки осторожно. Кавалеров у нее было хоть отбавляй.

Высокая, статная, с пронзительно-синими глазами, не унывающая ни при каких обстоятельствах, Шура пользовалась успехом у сельских парней, да и не только у них.

После окончания школы она с годик учительствовала в школе, а потом по настоянию отца, выхлопотавшего для нее путевку в академию с обязательством после окончания вернуться в родное село, успешно сдала экзамены в сельскохозяйственный институт.

Из всех ухажеров матери очень нравился еще один ухаживающий за Шурой лейтенант из НКВД по фамилии Яблочко. Да и он сам был под стать наливному яблочку кругловатой фигурой, вечно румяным лицом и ямочками на щеках. Все трое учились на одном факультете в сельхозинституте, правда, на разных курсах.

Судьба так распорядилась, что после окончания института они оказались в одном месте. Яблочко и Дуюнов были призваны в органы НКВД по комсомольской путевке.

И вот на стол одного из них, Дмитрия Дуюнова, легло дело Ивана Потопяка. Надо отдать должное, Дмитрий ни разу не воспользовался своей служебной возможностью, чтобы оказать

хоть какое-то давление на Шуру. По характеру замкнутый, неразговорчивый, Дмитрий почему-то не показался Ксении Ивановне. И она не раз говорила дочери:

– Выходи замуж за Яблочко, он мне больше нравится, чем этот бирюк.

Шура помалкивала, побаивалась, что ее предпочтение может отразиться на судьбе отца.

Апелляционное дело Ивана Федоровича рассматривалось почти полгода. И вот в феврале 1938 г. его пригласили на заседание бюро Уссурийского обкома ВКП(б).

Отправляя Ивана в дорогу, Ксения тайком перекрестила его. Она знала, что Иван ненавидит церковников и запрещает отмечать церковные праздники, даже Пасху. А ведь он когда-то пел в церковном хоре в Ходыванцах. Это было еще до их переселения на Дальний Восток.

По всей вероятности, его отвернуло от религии поведение некоторых служителей церкви. Молодой священник из Ходыванцев, сменивший старого батюшку, не пропускал мимо себя ни одной симпатичной «верующей юбки». Уже не одна молодка, да и девка, плакала горькими слезами, поддавшись елейным уговорам святоши.

Подкатился он и к Ксении, и даже попытался однажды взять ее силой, но встретил такой отпор, что долго ходил с поцарапанным лицом.

Ксюша пожаловалась Ивану, но под страшной клятвой попросила его ничего не предпринимать. Иван, конечно, поклялся, но однажды, подкараулив прелюбодея, так накостылял ему, что тот едва остался жив. Через некоторое время молодой священник исчез из села.

Второй случай произошел во время войны, когда полк Ивана стоял во Франции в лагере Малье, дожидаясь отправки в Салоники. Большие компании офицеров собирались в ресторанах Парижа, а затем продолжали пьянки, нередко со скандалами, в публичных домах, в том числе и низкого пошиба, куда вход для командного состава был запрещен.

В первый же вечер по прибытии во Францию священник полка, где служил Иван, мотая во все стороны черной бородищей, пустился в пляс с истерично взвизгивающими девицами в солдатском борделе.

Об этом Ивану рассказал их ротный – капитан Маслов, особо выделявший Ивана из общей массы солдат своей роты.

А вот солдат отпускать в увольнение было запрещено под предлогом того, что Париж «полон русскими революционерами», контакт с которыми, по мнению командования, просто был недопустим.

По свидетельству полковника графа А. Игнатьева, бывшего в то время военным агентом во Франции, солдат за малейшую провинность нещадно пороли, согласно секретному приказу главнокомандующего русскими войсками великого князя Николая Николаевича.

Это усиливало брожение среди солдат, расширяя и без того глубокую пропасть между нижними чинами и офицерством.

Однако, хотя и редко, встречались офицеры, которые пользовались уважением со стороны солдат. К таким относился капитан Вадим Маслов, который в свое время вручал Ивану медаль «За храбрость» 4-й степени на георгиевской ленте.

Сам Маслов был удостоен ордена Владимира с мечами и бантом, которым награждались только за боевые заслуги.

Красивый блондин высокого роста, всегда подтянутый, с бравой выправкой, он всегда пользовался неизменным успехом у женщин. Однажды в ресторане гостиницы «Гранд-Отель» он познакомился с красивой сексапильной танцовщицей-стриптизершей, выступавшей под псевдонимом Мата-Хари.

Взаимная симпатия привела к взаимной любви. Мата-Хари даже прекратила связи с другими многочисленными любовниками. Когда ее арестовали как шпионку, она призналась, что действительно любила только капитана Маслова и он стал для нее самым дорогим человеком. На одном из допросов Мата-Хари с присущей ей импульсивностью воскликнула: «Проститутка – да, предательница – нет!»

После ее расстрела капитан Маслов напросился на передовую и отчаянно лез в самые опасные места, пока не получил тяжелое ранение. Отлежавшись в госпитале, он постригся в монахи.

А Иван с того времени стал ярым безбожником и не разрешал в семье отмечать церковные праздники, строго спрашивал за малейшие нарушения запрета.

Ксения мужу не перечила, но хранила на самом дне сундука, перевезенного с Украины на Дальний Восток, древнюю икону, и в тяжелые случаи жизни доставала ее и молилась своими словами, прося у Бога защиты и помощи.

...В Ворошилове Иван пробыл недолго.

К назначенному часу его пригласили в кабинет секретаря, где заседало бюро Уссурийского горкома. Не приглашая Потопяка присесть, первый секретарь Павел Герасимов зачитал:

– *Постановление бюро Уссурийского обкома ВКП(б) от 28 февраля 1938 г. Апелляционное дело Потопяка Ивана Федоровича (на бюро Потопяк присутствует)*

Потопяк И. Ф., год рождения 1982, соц. положение – крестьянин, образование – низшее, член ВКП(б) с 1925 года, п/б № 0494358, партвзысканий не имеет, работал председателем Черниговского РИКа.

Суть дела: Решением первичной парторганизации РИКа от 29/X 1937 года за притупление классовой бдительности Потопяку объявлен строгий выговор. Решением бюро Черниговского РК ВКП(б) от 6 октября «за потерю классовой бдительности, за скрытие от парторганизации засекреченного бюро по выдаче партбилета врагу народа Золоторю, чем дал возможность еще более замаскироваться врагам народа и проводить вредительскую работу в районе по развалу сельского хозяйства, а также еще более позволил законспирироваться Хазбиевичу, как пособнику врагов, Потопяк из партии исключен.

Установлено: Работая председателем РИКа Черниговского района Потопяк проглядел вредительство в МТС в ремонте транспортного парка и вредительство в животноводстве, зная о том, что у Золоторя отец расстрелян красными партизанами, голосовал за выдачу ему партбилета. Зная его еще по работе в Александровском районе в 1931 г., не сумел разоблачить его. На глазах у него враги развалили колхоз «1-е Мая». Потопяк свои ошибки признал...

Постановили: Решение Черниговского РК ВКП(б) об исключении из партии Потопяк отменить, в партии восстановить, за притупление классовой бдительности объявить строгий выговор с предупреждением и занесением в учетную карточку».

Зачитав Постановление, Герасимов строго посмотрел на Ивана, у которого от напряжения выступила испарина на лбу, а он даже не посмел смахнуть холодные капли.

После небольшой паузы секретарь заключил:

– Иди, Иван Федорович, работай, благодари партию и искупай свою вину. Надеюсь, ты полностью осознал свою вину перед партией и народом. Мы учли и твое партизанское прошлое, в этом нам помог командир партизанского отряда, и то, что ты в общем-то на хорошем счету на работе. Но учти, допустишь малейшую слабинку в классовой борьбе, и пощады тебе уже не будет.

Первый секретарь провел пальцами рук по широкому командирскому ремню, опоясывающему полувоенную гимнастерку и, пока Иван шел на неслушающихся, ставших какими-то ватными, ногах к двери, привычно произнес:

– Ну что, товарищи, переходим к рассмотрению следующего вопроса...

Дело в НКВД на Потопяка Ивана Федоровича было закрыто. С легкой душой Дмитрий Дуюнов сдал папку и досье в архив.

Строгий выговор с Потопяка сняли только в марте 1939 года.

А до этого ему еще в 1937 г. пришлось участвовать в деле, которое было совсем уж не по душе. Его назначили председателем тройки по переселению корейцев из Черниговского

района. Членами тройки стали первый секретарь Черниговского райкома партии Ларин и член бюро райкома Марти.

Потопяк лично объезжал села Черниговского района, составлял «поименные и похозяйственные списки корейских семей с указанием движимого и недвижимого имущества».

Практически это была первая в СССР депортация по этническому признаку, и проводилась она на основании совместного постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б). Мотивировалась депортация корейцев тем, что летом 1937 года японские войска вторглись в Китай, а Корея в то время была частью Японской империи.

И хотя советские корейцы в целом в пособничестве врагу не обвинялись ни до, ни после постановления об их выселении, в центральной печати стали появляться публикации о подрывной деятельности корейцев.

В секретных протоколах того времени сохранились до нашего времени некоторые материалы о работе Черниговской «тройки» по переселению корейцев:

Протокол № 1

Заседания тройки по переселению корейцев

Присутствуют: Ларин, Потопяк, Марти

Слушали: О председателе тройки.

Постановили: Председателем тройки утвердить тов. Потопяка.

Слушали: Об уточнении учета наличия корейского населения в районе.

Постановили:

Командировать во все населенные пункты из райпартактива с заданием в суточный срок составить поименные и похозяйственные списки с указанием движимого и недвижимого имущества.

Концентрацию и подведение итогов по району поручить члену тройки тов. Марти.

Инструктаж посылаемых уполномоченных поручить тов. Потопяку и Марти.

Подписи: Председатель тройки Потопяк

Члены: Ларин

Марти

Протокол № 2

Заседания тройки по переселению корейцев

Присутствуют: Ларин, Потопяк, Марти

Слушали: О технических работниках для отработки материалов.

О выделении уполномоченных тройки для проведения массово-разъяснительной и практической работы по переселению.

Об учете, оценке и выплате денег за оставленное имущество...

Протокол № 3

Об утверждении плана работы тройки.

Об утверждении очередной разбивки по эшелонам.

Постановили: Утвердить следующую разбивку по эшелонам:

1 эшелон Черниговка

Алтыновка

Синхиндон

Горный Хутор

К-3 Авангард

С количеством 256 хозяйств, населения 1141 чел. Требуется 51 вагон.

*2 эшелон Энгельс
Лунза
Годенхоу
Шелко-станция
Военколхоз ТОФ
Дмитриевка (рабочая слобода)
Меркушевка
Меркушевка (рабочая слобода)»*

... Незаметно подрастали дети. Василий – косяя сажень в плечах, кудреватый чуб, васильковые, как у отца глаза, правильные черты лица – предмет вздыханий всех сельских девчат.

А вот присох он к Оксане – первой красавице в Черниговке, а на других девчат даже и не смотрел.

Василий твердо решил стать военным, а потому спорт – первое дело. Был он первым физкультурником не только на селе, но и в районе. На застиранной футболке теснились значки, подвешенные к красной звездочке на цепочке «Ворошиловский стрелок», «Готов к труду и обороне»...

В отличие от Василия Иван был тихим, скромным подростком, может быть, поэтому и дружил с сестрой-погодкой и аккуратисткой Октябриной. А та не могла жить в мире с другой сестрой – Леной, которую все в семье называли Лелей. Активная участница художественной самодеятельности, она и внешностью отличалась от всех Потопяков. У тех были синие, прозрачные глаза, а у этой черные с поволокой, да еще родинка на губе и легкая картавость.

Иван Федорович, да и Ксения только руками разводили, когда знакомые ехидничали:

– И в кого это ваша Леля удалась? А?

Самая старшая дочь Александра – уже отрезанный ломоть. После окончания сельскохозяйственной академии она работала агрономом в Черниговке, там же вступила в партию и собиралась выйти замуж за того самого лейтенанта Дуюнова, который вел дело Потопяка.

Ну а самый малый Володька – оторва из оторв. Там не только глаз да глаз нужен был, там бы и ремня не помешало.

В семье Потопяков детей ни за какие провинности не наказывали. Иногда только Ксения охаживала нарушителя спокойствия свернутым вдвое полотенцем. Не больно, не обидно. Во время разбирательства партийными органами и НКВД «пособника врага народа» Потопяка Ксения строго-настрого наказала детям ни слова, ни полслова не рассказывать о том, о чем говорят дома.

– Притворяйтесь, что не расслышали, – наставляла она детей, – если будут расспрашивать. А сами, тем более, не заводите разговоров. – А ведь батьку не только посадить могут, а то еще, что похуже, – всплакнула она.

И оторопела от ужаса, услышав от родного сына Василия жестокий приговор:

– Собаке – собачья смерть, – сквозь зубы выдавил Василий.

С того самого времени словно кошка пробежала между отцом и сыном. Василий перестал разговаривать с отцом на интересующие его темы, демонстративно уходил из дома, когда Иван Федорович возвращался с работы. Василий был сыном своего времени и твердо верил, что партия и органы не могут ошибаться...

А ведь правду говорят, что беда не приходит одна. Не прошло и года после партийного разбирательства, как Иван Федорович закрутил любовь с работницей финорганов из Ворошилова (как теперь называется Уссурийск). Во Франции устоял, а тут – на.

Потопяк стал часто ездить в командировки в город, нередко не ночевал дома, и отводил глаза в сторону, когда Ксения с молчаливым укором смотрела на него, словно безмолвно спрашивала:

– Что с тобой, Иван? Куда теперь-то вляпался?

Однажды вечером, когда вся семья была в сборе, Иван Федорович решительно вышел на середину горницы и заявил:

– В общем, так, Ксения Ивановна и дорогие дети! Я решил завести новую семью. А вас мы, – запнулся он, не решаясь назвать имя той, второй, – решили поделить. Трех младших – нам, а других тебе, Ксения Ивановна, – закончил он свою трудную речь. Ксенией Ивановной он называл свою жену только в ответственных случаях.

В доме воцарилась тишина. Даже черный как смоль с огромными рыжими глазищами кот Васька забился куда-то в угол. Все словно оцепенели.

– Знаешь что, – неожиданно подошел к отцу Василий. – Катись-ка ты к своей... – не нашел он подходящего слова. – А ты, мать, не кручинься, выживем. – Никто с тобой, – снова обратился он к отцу, – не пойдет, даже Вовка.

Лицо Ивана Федоровича побагровело. Он странно задергал усами, руки судорожно стали расстегивать ремень...

– Ах ты щенок недоношенный... Как ты с отцом разговариваешь? Не порол я тебя ни разу, а сейчас врежу, – пытался он расстегнуть непослушную пряжку ремня.

Василий протянул руку, ухватил отцовский ремень, приподнял, словно тряпичную куклу, в общем-то нехилую фигуру Ивана Федоровича и держал его на весу, хрипло приговаривая:

– Уходи от греха подальше...

Отец смешно задергал ногами, кто-то из сестер не к месту прыснул в кулак.

Подержав отца в нелепом положении несколько минут, Василий опустил отца на пол.

Красный от натуги с выступившими от обиды и стыда слезами Иван Федорович прохрипел:

– Выкормил на свою шею битюга...

Нелепо подтягивая галифе, он вышел за дверь.

Ксения, оцепенев и безвольно опустив руки, застыла у печи.

Василий подошел к матери, приподнял за плечи и ободряюще произнес:

– Ничего, мать, проживем!

Остальные тоже подбежали, каждый со своими утешениями. Скупая на ласки Ксения не проронила ни слезинки. Да и из остальных никто не всплакнул, хотя расходились по своим местам с окаменевшими лицами.

Проведя бессонную ночь, Ксения ранним утром по привычке побрела на кухню. Какое бы горе ни было, а детей кормить-то надо!

Но все валилось у нее из рук. Она присела на табуретку, не хотелось ни думать ни о чем, ни что-либо делать.

За входной дверью кто-то заскребся. Ксения с трудом поднялась с табуретки и пошла к двери, чтобы впустить кота Ваську. Открывая дверь, она проговорила потухшим голосом:

– Ну, входи, шалавый.

Но кота не было видно. А стоял перед нею Иван, какой-то обмягший, опустошенный, заросший щетиной, с жалкой улыбкой на лице.

Ни слова не говоря, он бухнулся прямо в сенях на колени перед Ксенией, уткнулся лицом в подол платья, обнял ее за ноги и зашептал:

– Прости меня, мать, прости... Нет у меня без вас жизни...

Услышав шум, из комнат высыпали дети, застыли в дверях, увидев отца, стоящего на коленях перед матерью.

– Простите меня, дети, – обратился Иван к ним мокрое то ли от пота, то ли заплаканное лицо.

– Пусть мать простит, если сможет, – среди полной тишины выкрикнул Василий.

Ксения стояла, словно окаменев, молча глотая катившиеся по щекам слезы.

– Вставай, Иван, – наконец проговорила Ксения, – давайте, дети, за стол, завтракать пора. И тут женская половина не удержалась, раздалась сначала короткие всхлипывания, а затем рев в полный голос. Слезы, словно очистительный дождик в грозу, разогнали сгустившиеся над семьей тучи.

После примирения Ксения удивлялась чувствам Ивана, как будто бы наступил второй медовый месяц. Последствия не заставили себя ждать. Ксения забеременела. И это в пятьдесят-то с лишним лет!

Она стыдилась своих взрослых детей, но решила выносить ребенка.

– Ой, Ваня, что же мы сотворили с тобой на старости лет? – сокрушалась не раз Ксения Ивановна.

– Не что, а кого, – поправлял ее Иван Федорович, – строителя коммунизма, в конце концов. Мы эту хорошую жизнь строили, а он или она в этой новой жизни будут жить.

Ксения Ивановна родила девочку в самом начале 1940 года, в морозную зимнюю ночь.

Для взрослых детей она была чем-то вроде игрушки. В отличие от черноволосых Потопяков была такая беленькая, светленькая, вот и назвали ее Светланой. Хотя уже к школе волосы потемнели, как у старших братьев и сестер.

В конце лета 1940 г. Василия, по его заявлению, военкомат направил учиться в Тюменское военно-пехотное училище, которое было сформировано в декабре 1939 г. на базе мотострелково-пулеметной бригады, прибывшей в Тюмень после участия в боевых действиях на Халхин-Голе.

Долгих проводов не было. Василий попросил родных на вокзал его не провожать. Все поняли, что последние минуты он хотел провести с Оксаной.

Василий писал матери письма и даже успел прислать фотокарточку, с которой глядел бравый курсант в буденновке. В каждом письме он просил поцеловать младшую сестренку. А менее чем через год грянула Великая Отечественная. Василий написал, что в училище состоялся досрочный выпуск, ему присвоили звание лейтенанта, и он отправился на фронт, где обещал дать немцам жару.

Письмо запоздало. Его опередила похоронка, присланная на имя Ксении Ивановны.

На бланке с угловым штампом стрелкового полка значилось:

*«Извещение от 4 августа 1941 г. № 2/0308
Ваш сын Потопяк Василий Иванович,
Уроженец Уссурийской области, г. Ворошилов
В бою за социалистическую родину, верный воинской присяге,
Проявив мужество и героизм, был убит 20.7.41 г.
д. Долгая, Сланцевского района, Лен. обл.
Похоронен на кл. у д. Ариновка Сланцевского р-на Ленинградской области.
Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии /
Приказ НКО СССР № (не заполнено. – Примеч. авт.)
(печать прилагается).»*

Подписали извещение синим химическим карандашом командир части майор Якутович и комиссар части ст. политрук Кузнецов.

Когда Светлана повзрослела, мать рассказывала ей, что 20 июля 1941 г. (в этот день был убит Василий) у нее вдруг закололо сердце, дыхание на мгновение остановилось, и она поняла, что с Василием случилось непоправимое. А через месяц пришла «похоронка»...

... Детство Светланы пришлось на военные и послевоенные годы. Одним словом, трудное детство. Недаром уже в наше время возникла такая категория жителей России «Дети войны».

Во время войны весь тыл страны жил только фронтом. «Все для фронта, все для Победы!» – этот лозунг стал святым для семьи Потопяков.

Александра вышла замуж за Дмитрия Дуюнова и сопровождала его всю войну по городам и весям, куда заносила их нелегкая служба мужа.

Октябрина поступила в медицинское училище и училась на фармацевта, выполняя работу по сбору лекарств для фронта. Сын Иван служил в авиаполку где-то на Камчатке.

Лена (она же Леля) работала токарем на оборонном заводе в Ворошилове, на этом заводе «токарничал» и младший сын Володька. Неугомонный подросток доставлял немало хлопот. То проспит на работу, то залезет в самолет, стоявший прямо за их забором и охранявшийся часовым, то надерзит начальству...

Иван Федорович не раз выручал сорванца, ведь за опоздание на работу в то время могли и срок припать.

Ксения Ивановна тоже не раз хлестала Володьку полотенцем и причитала:

– Ну что за бисов сын, я его стегаю, а он хохочет, как от щекотки!

Иван Федорович повесил на стене большую карту Советского Союза, отмечая на ней самодельными синими и красными флажками положение Красной армии и немецко-фашистских войск. Нередко он вздрагивал, слушая сводки Совинформбюро, когда диктор называл знакомые еще по времена Первой мировой войны названия городов и сел.

– Ничего, ничего, – шептал он вслух, – еще посмотрим, на чьей улице будет праздник!

Потопяка начальство бросало на прорывные направления: был он и директором совхоза, и начальником облупромстроймастер (существовала в то время и такая аббревиатура), и председателем Ворошиловского горисполкома.

Приходил он домой до того измотанный и уставший, что засыпал иногда прямо за столом, даже не дождавшись ужина.

Но были события, которые запомнились, так сказать, светлой стороной. Когда Свете исполнилось три года, семья переехала на новую квартиру в городе Ворошилове на улице Тимирязева.

«Новая», конечно, громко сказано. Это была половина одноэтажного дома, в котором когда-то жила купеческая семья. Не успев освоиться с местом жительства, Света, соскучившись по другу Юрке из того двора, где они жили раньше, выскользнула за калитку и пошла искать своего закадычного дружочка. К вечеру родные спохватились.

– А где же ребенок? – а ребенок разгуливал по городу Ворошилову, будущему Уссурийску, разыскивая Юрку.

Ворошилов, конечно, даже не Владивосток, но тысяч сто жителей к тому времени уже имел. А учитывая, что улица Тимирязева располагалась в самом центре города, а раньше семья квартировала на окраине, то Свете предстояло пройти не один километр, может быть, даже не в ту сторону.

На поиски пропавшего ребенка бросились брат и сестра, отец побежал звонить в милицию.

– По какому имени ее узнавать? – деловито поинтересовались в отделении.

– Да будете спрашивать, как ее фамилия, она ответит «Хорошая» – уточнил отец.

Вот по этой фамилии «Хорошую» и нашли...

Летели годы, Света подрастала. Уже став взрослой, она вспоминала про большой шкаф, который стоял в спальне. В одном из его ящиков, застеленных чистой белой бумагой, мать раскладывала маленькие кусочки черного хлеба, каждому из членов семьи по одному. Когда оставался один мамин кусочек хлеба, Света открывала ящик, долго на него смотрела и канючила:

– Мам, ну, займи мне хлебушек, а? Я тебе отдам потом. Честное слово!

Ксения Ивановна подходила к ящику, доставала этот маленький кусочек хлеба, протягивала дочери, погладив ее по голове, говорила:

– Кушай, маленькая. Конечно, отдашь потом.

Когда она сама ела, никто не видел. Она все отдавала детям.

Будни «детей войны» в послевоенное время проходили в очередях: за хлебом, за мукой, за мануфактурой, за селедкой. Поднимали рано, часов в пять утра, а то и раньше, чтобы быть поближе к прилавку, но как бы рано ни вставали, у дверей магазина всегда уже клубилась многолюдная очередь. Свой порядковый номер записывали на ладошке химическим карандашом. И не дай бог, было потеряться: семья оставалась на несколько дней без хлеба, а это в то время был основной продукт питания. Ничего слаще не было, когда на небольшой кусок хлеба намазывался комбиджир, гидрожир или постное масло, а сверху посыпался солью и мелко нарезанным чесноком. Тот еще смак!

И в кино тогда тоже ходили, тем более что кинотеатр от дома, где жила Светлана, находился в метрах трехстах. Когда привозили новые фильмы, к окошку кассы выстраивалась очередь счастливых, у которых были деньги на билеты. Правда, очередь эту толпу ребятни можно было назвать весьма условно. Просто к кассе устремлялись все, кому хотелось первым поддержать в руках бумажки, открывающие путь в совершенно другой мир – волшебный мир кино. К тому же и количество билетов было строго определенным – могло и не хватить. Так что даже наличие денег не всегда гарантировало возможность посмотреть фильм.

А в очереди, вернее, в толпе, всякое случалось. Однажды, в такой же вот толпе, когда Света держала в высоко вытянутой ручонке завернутую денежку, у самой кассы кто-то умудрился эту денежку выдернуть. Так и не удалось Светлане посмотреть фильм «Приключения Буратино». И стоит, выбравшись из толпы, растерянная, беззащитная девочка, с накипевшими в огромных зеленых глазах слезами обиды и безысходности. Ее тогда прозвали «Красная шапочка» за то, что у нее была шапочка ярко-красного цвета и занимающие очередь всегда говорили:

– Я стою вот за этой Красной шапочкой.

Старшие братья и сестры в самом раннем детстве ее звали «Шихомодой», а отец называл Синтайка-Адынбайка. Откуда взялись эти слова, что они означали – никто объяснить не мог, однако же звали! Эти клички отпали сами собой, когда Света пошла в школу.

В 1946 г. Ивана Федоровича наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Вручали в торжественной обстановке. Всего на весь Уссурийск таких медалей было, как записано в акте о вручении, «50 штук».

Иван Федорович шутил:

– Ну, мать, по наградам ты меня в чистую обошла.

К тому времени у Ксении Ивановны было три награды: две «Медали материнства» (за пять и шесть детей соответственно) и орден «Материнская слава» III степени (за семь детей).

Иван Федорович с грустью вспомнил про свои медали с Первой мировой войны, которые лежат где-то на дне колодца в Черниговке, куда он бросил их прямо в кيسете, в 1937 году, когда его обвиняли в «пособничестве врагам народа».

Тогда он понимал, что если вдруг дело дойдет до обыска, эти награды лягут весомым довеском к его и так расстрельному обвинению.

Иван Федорович довольно часто ездил по делам службы во Владивосток, а там было море..., и Светлана так хотела его посмотреть. Наконец, перед школой, перед самым первым классом, она уговорила отца взять ее с собой.

И вот она, ухватив отца за руку, и еле поспевая за его широкими шагами, идет через вокзальную площадь к поезду. Всю дорогу она любит проплывающими за окном вагона картинками текущей почти параллельно железнодорожному полотну реки с китайским названием Суйфун, освященной восходящим солнцем. Но как только они проехали Надеждинский туннель, солнце куда-то исчезло, и окна вагона накрыла серая водяная пыль, мешая обозревать окрестности. Стало как-то неуютно и тоскливо. По прибытии на станцию Иван Федорович

взял Свету за руку, и они пошагали по улице 25 Октября до Дома колхозника, так называлась небольшая гостиница для работников сельскохозяйственных районов Приморья, приезжающих по делам в краевой центр.

Света во все свои большие, широко распахнутые глаза рассматривала казавшиеся ей огромными дома, допытывалась у отца, почему этот дом называется «Серой лошадью»:

– И вовсе он не похож на лошадь, – спорила она с отцом.

А столько людей, сколько ходило в будний день по улицам Владивостока, она видела в Уссурийске только по праздникам 1 Мая и 7 Ноября, когда отец брал ее с собой на трибуну.

А как интересно было смотреть на трамваи, которые, весело постукивая на стыках рельс, катились, обгоняя пешеходов.

– А куда они спешат? – спросила Света.

– Этот на Луговую, а этот на Первую речку, – ответил занятый своими мыслями отец.

Ивана Федоровича в Доме колхозника хорошо знали. Дежурная нарочито взмахнула руками:

– А это откуда такая командированная приехала? Да еще с такими красивыми глазами.

– Из Уссурийска, – застенчившись, серьезно ответила Света.

– Присмотрите за ней, пожалуйста, – попросил Иван Федорович, – я постараюсь побыстрее обернуться.

Но побыстрее не получилось.

Иван Федорович закружился в командировочных хлопотах, а Света, выпив стакан чая с красным пряником, тоскливо смотрела в окошко гостиницы, терпеливо дожидаясь отца.

Стояла обычная для Владивостока июньская погода. То ли мелкий дождик, то ли морось сплошной стеной, окутывая туманной сыростью дома, машины, прохожих...

Уже вечерело, когда наконец-то вернулся отец.

– Ну, Синтайка-Адынбайка, собирайся. Пойдем море смотреть. Да и распогодилось на улице.

– Сегодня мы на поезд опоздали, – продолжал он. – Переночуем, а с утра – на поезд – и домой.

Они вышли на Океанский проспект, пересекли Ленинскую улицу и прошли мимо цирка Шапито на Корабельную набережную. Иван Федорович едва успевал отвечать на вопросы дочурки и с удовольствием прислушивался к ее щебетанию.

– А у нас в Уссурийске цирк лучше. Ой, сколько людей, и где они только помещаются? А вот моряки пошли, какие красивые!..

Наконец, они подошли к причалу, вдоль которого выстроились громады пароходов. Иван Федорович подвел Свету к самому краю причала. Над ними нависла ржавая корма какого-то парохода, а в воде плескались какие-то банки, обломки ящиков, мазутная ветошь. Неприятно пахло чем-то гниловатым.

– А где же море? – воскликнула Света в недоумении.

– Да вот же оно, смотри, – развел руками Иван Федорович.

В просвете между пароходами виднелась водная поверхность.

– Эта бухта называется Золотой Рог, – пояснил Иван Федорович, – а вот там, – показал он рукой, – Русский остров.

– А что, есть еще и Японский? – удивленно спросила Света.

– С чего бы это? – переспросил отец. – Остров этот наш – русский, поэтому и название такое.

Иван Федорович невольно вспомнил начало своей солдатской службы и тяжело вздохнул. Сколько воды с тех пор утекло!

– Ну, пойдем в гостиницу, а то уже темнеет, – позвал Свету Иван Федорович.

Возвращались они уже при свете уличных фонарей, и эта картина казалась Свете какой-то сказочной.

– Ну, увидела море? – спросила у Светы дежурная, когда они переступили порог гостиницы.

– Увидела, – вздохнула Света. – Что-то не понравилось оно мне.

– Почему? – удивилась дежурная.

– Да, грязноватое оно какое-то и... маленькое.

Дежурная притащила им раскладушку. После очередного стакана чая с красным пряником Света заснула крепким сном, и снилось ей море, но совсем не такое, как во Владивостоке.

А Иван Федорович долго ворочался в неудобной кровати, вспоминая отдельные эпизоды из своей жизни, а когда заснул, то никаких снов не видел.

...Иван Федорович и не заметил, как в послевоенных буднях пролетели годы, и пришла пора уходить на пенсию. Проводили его торжественно – все-таки персональный пенсионер, хотя и местного значения.

Как водится, наградили почетной грамотой (их у него за время работы набралось более десятка), ценным подарком (самоваром) и, конечно, букетом цветов.

Иван Федорович был в своем неизменном полувоенном костюме с медалью и почетными министерскими знаками на груди («Отличнику соцсоревнования по сельскому хозяйству» и «Отличнику промкооперации»).

– Вот и все, мать, – заключил он, возвратившись с собрания. – Теперь будем вдвоем куковать.

– Ну да, вдвоем, – возразила Ксения Ивановна. – Нам надо еще вон Светку поднимать. Да и Вовка из армии должен прийти.

Старшие дети уже свили свои «гнезда». Октябрина вышла замуж за Александра Турубарова, который пройдет путь от рядового шофера до главного инженера крупной дорожной организации.

Возвратившийся через три года после окончания войны Иван привезет с собой туберкулез. И только мать поставит его на ноги, заставляя принимать барсучье сало. Старшего брата Светлана называла на «Вы» и боялась, особенно, когда мыла полы и оставляла за собой «зайцев» – непромытые проплешины. Ваня указывал на них и заставлял перемывать.

– Ваня, вы понимаете, что я в школу могу опоздать? – вопрошала Света, еле сдерживая слезы.

– Не опоздаешь, добежишь, – не отступал старший брат.

Света быстренько домывала полы и мчалась в школу.

Школа располагалась совсем недалеко от дома, рядом с церковью, которая, надо сказать, была действующей, что для того времени являлось редким исключением.

В первый класс Света ходила с сумкой, сшитой матерью из какой-то прочной материи. В ней помещались учебники, пенал, чернильница-непроливайка, а иногда и бутерброд с гидрожиром вместо масла.

Однажды Света залезла на чердак дома, в котором они жили. Залазить было легко: сначала на забор, потом на крышу сеней, а тут и открытая дверца чердака, и не надо никакой лестницы. Надо сказать, что залезла она на чердак частенько. Ей нравилось перебирать подшивки старых газет, рассматривать всякий хлам, заглядывать в фотоаппарат с гармошкой. Интересно, в него смотришь, а в глазке видишь все вверх ногами. Действительно, перевернутый мир!

Но в этот раз она раскопала в чердачном хламе портфель, настоящий, черный, хотя и немного потертый.

Радостная, она быстренько слезла с чердака и побежала поделиться к матери. Та, как всегда, встречала ее с причитаниями:

– Ну что ты, как мальчишка, право слово. Посмотри на себя: вся грязная, пыльная... Где ты шаталась, горе ты мое?

– Мама, посмотри, какой я портфель нашла, – не слушая ее, щебетала Света, – настоящий, красивый...

Когда портфель отмыли, и она стал еще красивее, Света аж запрыгала от восторга. Но тут же надула губы от разочарования: замок-то был сломан и не застегивался!

– А мы вот пуговицу с петелькой пришьем и будет хорошо, – обнадежила мама.

– Да, хорошо... какой же это портфель с пуговицей, – захныкала Света.

– А ты носи его пуговицей к ноге, вот никто и не заметит, – успокоила ее мать.

Так и проходила Света с этим портфелем несколько лет, пока не купили ей новый из «настоящего» кожзаменителя.

Испытала она радость и тогда, когда отец привез из какой-то командировки школьное форменное платье темно-синего цвета со стоячим воротничком и круглыми пуговицами такого же цвета. Светлана, худющая, как тростинка, быстро росла вверх, но платье носила несколько лет, отпуская подол сантиметра на два каждый год, благо запас для этого был.

Интересно, что отметки по школьным дисциплинам мало волновали ученицу Свету. Учителя удивлялись, что она не огорчалась, когда отхватывала «двойку», и не радовалась, получив «пятерку».

По окончании 7-го класса (а он в то время считался выпускным) Светлана получила ценный подарок: книгу-роман Евгения Воробьева «Высота», по которой впоследствии был поставлен известный художественный фильм с идентичным названием.

В то время шариковых ручек еще не было, и на титульном листе книги каллиграфическим почерком перьевой ручкой начертано:

«Любите книгу: она поможет вам разобраться в пестрой путанице мыслей, она научит вас уважать человека». М. Горький

И ниже

«В день окончания 7-го класса ученице Потомяк Светлане». Подпись директора школы скреплена гербовой печатью.

На семейном совете решили продолжить учебу дальше в этой же школе.

Детство кончилось, начиналась юность, со всеми вытекающими последствиями.

После окончания средней школы отец откровенно и как-то виновато поговорил со Светланой о ее будущем.

– Знаешь что, Синтайка, мы сейчас втроем живем на одну мою, хоть и персональную, но небольшую пенсию. У старших детей свои семьи, и им тоже нелегко. Задумаешь поступать в институт, я тебе ничем помочь не смогу. Извини, но я уже договорился со своим старым другом, директором училища, где готовят швейников. Там и стипендия есть. Получишь специальность, а там видно будет.

Вот так и началась трудовая юность Светланы.

В училище обучались сироты и дети фронтовиков, и были в этой команде только одни девушки.

Все-таки Иван Федорович был мудрым человеком, и эта специальность, ох, как пригодилась Светлане, когда остались они с матерью одни.

Уйдя на пенсию, Иван Федорович неожиданно для себя возглавил общество селекционеров. На небольшом клочке земли около дома он занимался прививками, выращивал какие-то диковинные груши. Всего два дерева ранеток приносили такой обильный урожай, что его ведрами раздавали соседям и друзьям.

В семье оставались двое младших – Владимир, готовящийся уйти в армию, и малолетка Светлана, над которой он вечно подшучивал. Однажды зимой он принес с мороза топор,

покрытый инеем, и уговорил ее лизнуть его поверхность, красноречиво рассказывая, какая сладость ее ожидает. Света взяла в руки топор, лизнула его, язык, естественно, прилип. С вытаращенными глазами она забежала в комнату, где мать заставила ее постоять около печки.

Язык отлип, но было очень больно.

– Ну что ты за человек, – выговаривала Володьке мать. – Над кем измываешься, негодник, – в очередной раз выговаривала она ему, охаживая полотенцем по спине.

Тот только хохотал:

– Она же сама лизнула.

Доставалось полотенцем и Светлане. Общий двор на несколько одноэтажных домишек. Конечно, не обходилось без ссор и детских разборок. Мать запрещала Светлане ругаться. А когда та, спрятавшись за колодцем и услышав что-нибудь обидное в свой адрес, пыталась в ответ прокричать не менее обидное, получала от матери полотенцем по спине.

В обязанности Светланы входила побудка Володьки по утрам. Он был еще тем любителем поспать. Приспособившись, она раздобыла длинный прут и, приоткрыв дверь, стаскивала со спящего одеяло. В ответ летели не только неприятные слова, а и все, что попадало под руки, в первую очередь обувь.

Зато Светлане летним утром было раздолье на участке – она успевала поддуть всю поспевшую ягоду. Володьке оставалось только ругаться, а она показывала ему розовый язычок:

– Что, съел? Не надо так долго спать!

После ухода Володьки в армию стало скучновато, зато какие хорошие письма он ей писал!

Быстро пролетели три года. Владимир отслужил положенный срок в Порт-Артуре, а, вернувшись, не узнал в заневестившейся сестре ту девочку-подростка, которая провожала его в армию.

Как и всякая девушка, Светлана хотела хорошо выглядеть и приобретала на мизерные средства из своей стипендии необходимые предметы косметики.

Иван Федорович терпеть этого не мог. Он и старших-то дочерей ругал за применение губной помады и прочего, а тут вообще свирепел, выбрасывал в помойное ведро и губную помаду, и тушь, и всякие «подводки».

– Ну, мать, такого черта у нас еще не было – говаривал он Ксении Ивановне. – Дрова пилить и уголь в сарай таскать не пойдет, пока губы не намажет.

Та только отмахивалась.

Светлана помалкивала, покупала со следующей стипендии все необходимое, что подешевле. Конечно, она старалась спрятать приобретенное подальше, чтобы оно не попало под карающую руку отца.

Ей было смешно, когда, возвращаясь с танцев, она видела в освещенном окне, как отец в белых кальсонах и рубашке выглядывает во двор, а увидев, что она возвращается, делал вид, что давно уже спит.

Неожиданно к ним в гости без всякого предупреждения заявился Вячеслав Ксаверьевич, муж Лели. К тому времени он был уже главным оператором «Ленфильма» и прибыл на Дальний Восток с коллегами для съемок фильма «Дикая собака Динго».

От того визита у Светланы остались прекрасно выполненные фотографии и воспоминания о том, как Вячеслав Ксаверьевич уговаривал ее поехать в Ленинград, ведь у Лели там нет никого родных...

Уговаривал он и Владимира, особенно после того, как прослушал, как тот виртуозно играет на кларнете и баяне. Владимир только отмахивался.

После отъезда Вячеслава Ксаверьевича мать с отцом долго совещались, какую бы посылку отправить Леле, да и Александре заодно. Решили послать им кедровых орех. Но в чем? И тут подсказала Светлана. У нее от детских игр остались две здоровенные куклы – «голенькие» розовые пупсы. Она и предложила наполнить их орехами. Так и сделали.

Внутренности пупсов заполнили орехами, обложили куклы ватой, зашили в мешки, и... посылки ушли в Ртищево и Ленинград, как напоминание о детских годах Александры и Лели...

Однажды после возвращения с огородных грядок в Михайловке, отец присел на лавочку в палисаднике, и ему стало плохо, горлом пошла кровь.

Врачи констатировали рак легкого последней стадии. В то время такой диагноз больным не говорили, а только ставили в известность родных. Ксения Ивановна пыталась лечить его домашними средствами, но ничего не помогало. Несмотря на запрет врачей, курить он не бросил. Светлана сетками носила ему сигареты и приморскую воду «Ласточка».

Иван Федорович догадывался, какая у него болезнь и нередко говорил:

– Знаешь, Синтайка, как хочется пожить подольше и своими глазами увидеть коммунизм. Вон уже и в космос полетели. И вообще... – недоговаривал он, преодолевая боль.

Особенно его не лечили, делая только противоболевые уколы.

Через несколько дней после похорон у Ксении Ивановны случился инсульт. У нее отнялась правая сторона тела. Когда ее выписали из больницы, она могла ходить, припадая на правую ногу, у нее почти не двигалась правая рука и была замедлена речь. На плечи Светланы легли все заботы по уходу за матерью. Конечно, их навещали Октябрина и Иван, но ежедневные хлопоты были за Светланой. К тому времени она уже работала в ателье. Ее зарплаты хватало, чтобы обеспечить им двоим сносную жизнь, да еще Ксения Ивановна получала половину пенсии персонального пенсионера местного значения, как его вдова. Это еще раз подтвердило мудрость Ивана Федоровича, когда он отказался от пенсии союзного значения в пользу «местного», потому что только она давала такие льготы. А ведь Ксения Ивановна не имела официального трудового стажа.

Конечно, горечь утраты так просто не проходит, но давно известно, что время лечит любые раны, а юность свое берет.

Засыпая под музыку из популярных опер и оперетт, которые транслировались по радио, Светлана иногда мечтала о суженом.

Да и кто из девушек не мечтал, да и сейчас не мечтает о своем «принце на белом коне». Когда он появится, и как в нем не разочароваться?

Что такое счастье и достанется ли оно ей в этой безысходной и безрадостной жизненной круговерти?

Дуга вторая

Анна Овчаренко, 30-летняя «разведенка» с двумя детьми от разных мужей, приехала из Дорогобужа к сестре в Вязьму в поисках работы и, возможно, пристанища. Та познакомила ее с Петром Гуримовым, приехавшим в отпуск к родным, как тогда говорили с ДВК, т. е. с Дальневосточного края. Война еще не закончилась. Шел апрель 1945 года.

Город Вязьма упоминается в русских летописях с 1239 года. Стоит он на реке Вязьма на старой Смоленской дороге, издавна соединявшей Москву с европейскими государствами.

По городу прокатились две Отечественные войны, 1812-го и 1941–1945 годов.

Причем если в октябре 1812 года русские войска нанесли тяжелое поражение отступающим наполеоновским войскам, то в октябре 1941 года под Вязьмой попало в окружение множество соединений Красной армии. Цифры потерь ужасают: 400 тысяч погибших и 688 тысяч попавших в плен.

Город был оккупирован немецкими войсками.

Освободили его только в 1943 году. Вязьма была практически полностью разрушена.

– Какое тут пристанище? Какая работа? – вопрошала вслух саму себя Анна, пробираясь сквозь кирпичные завалы к месту жительства сестры.

Однако «сошлись» они с Петром довольно быстро. Еще быстрее оформили брак и документы на усыновление детей – Риммы и Жени, а к концу отпуска Петра поезд уносил вновь созданную семью к Тихому океану.

Официально они не были переселенцами, но так же, как и те, кто в начале века «по дуге большого круга», ехали на восток страны искать лучшей доли.

Петр Гуримов окончил всего 4 класса ЦПШ (церковно-приходской школы), связался с вяземской шпаной, больше не учился, работал в паровозной мастерской, а в 1936 году был призван в армию и отслужил срочную службу в Приморском крае.

В Вязьму он не возвратился, а устроился работать на одну из артемовских шахт.

С началом войны в 1941 году он был вновь призван в Красную армию, но прослужил всего год.

Сохранился довольно интересный документ того времени:

«Выписка из Акта

АКТ

23 октября 1941 года мы, нижеподписавшиеся представитель от воинской части техник-интендант 1-го ранга тов. Беспалов Р. М. и представитель Ворошиловского шахтоуправления тов. Панкратов, на основании приказа войскам ДВ фронта № 753 от 23.9.42 г. и Постановления ГКО СССР от сентября 1942 г. за №№ 2304 и 2305 произвели передачу и прием бывших красноармейцев в количестве 9 человек согласно прилагаемому списку:

Тов. Гуримова Петра Сергеевича (подчеркнуто красным карандашом).

Сдал: Беспалов

Принял: Панкратов

Верно. Нач. 1-го отдела (подпись неразборчива)».

Анна, разродившись сыном в августе 1941 года, пережила и перенесла все тяготы эвакуации из Воронежа. Пешком, на подводах и машинах, на поездах, на пароходе через Каспийское море, они добрались до Ашхабада, где прожили почти три года и возвратились в Дорогобуж уже в конце войны.

Анна окончила девятилетку, торговую школу и быстро находила себе работу. Все эти годы она содержала семью из четырех человек – себя, дочку, сына и младшую сестру Надежду.

Время проживания в Средней Азии в детской памяти Женьки никак не отразилось, но вот один день в Вязьме он часто вспоминал как самое большое чудо.

Самое большое чудо, какое запомнилось на всю жизнь, произошло, когда Женьке было годика четыре или пять.

Большое чудо из детства, в первый День Всеобщего счастья – День Победы. Он смутно вспоминает избу на окраине Вязьмы, в которой жил его дед. Ночевали на полу очень много людей в шинелях. А потом перед самым утром творилось что-то непонятное. Все радостно возбуждены. Обнимают друг друга. Выскочили во двор и стали палить из винтовок и автоматов в воздух. Женю, как мячик, подбрасывают к потолку. И вдруг он обнаруживает в своей руке шоколадку в красивой-красивой обертке.

И кажется она ему большой, просто-таки огромной – после тех крохотных кусочков хлеба, которые только и были лакомством! Как она оказалась у него в руке, он не помнит. Может, кто-то из солдат ее долго берег, чтобы вручить своему маленькому сынишке по возвращении домой. А тут вспомнил о ней и сунул от счастья малышу, подвернувшемуся под руку. До сих пор кажется иногда, что ощущает на ладони «шоколадкину» приятную тяжесть. Очень хотелось, чтобы каждый малыш, чей бы он ни был, нашел однажды Большое Чудо. Такое, что, быть может, станет камертоном на всю его жизнь.

Наши воспоминания питают нас так же, как родники питают реки.

И если родники чистые и в них нет никаких примесей, то и река, особенно у истоков, чистая и полноводная.

Так и человек сохраняет на всю жизнь «родники» детства. Детство может быть счастливым или не очень, трудным или легким, но самое главное для человека – пронести эти родники на волнах жизни от истоков к руслу до океана судьбы, формулу которой открывает сам человек.

В Ворошилове семья Гуримовых оказалась сразу же после окончания войны с немцами и в канун войны с японцами. Сначала им выделили комнату в бараке.

В школу он тогда еще не ходил, в детский сад тоже, и с превеликим удовольствием осваивал окраину Уссурийска, на которой отчиму как стахановцу-шахтеру выдали ордер уже на квартиру в только что отстроенном доме на двух хозяев. Улица так и называлась: Шахтерская.

Дом стоял на краю глубокого, так ему тогда казалось, оврага, за которым располагался обширный огород.

Когда убирали урожай картошки, он с детворой из соседних домов выстраивали из толстых стеблей подсолнечника шикарные шалаши, которые превращались то в партизанские землянки, то в воинские блиндажи, а то просто в жилой дом – в зависимости от «контингента» играющих.

А однажды, когда Женя после очередных «штабных» игр выглянул из калитки на улицу, то с огромным удивлением обнаружил, что на пустыре прямо через дорогу от дома взметнулась вверх высоченная ограда из плотно сбитых свежевystруганных досок, опутанных к тому же колючей проволокой. Когда он осторожно попытался было подобраться к этому интересному сооружению, то был крепко схвачен за воротник и, несмотря на рёв и слезы, сопровождаемый несильными, но обидными шлепками доставлен в дом. Там с ним была проведена профилактическая беседа, из которой он узнал, что за оградой лагерь для японских военнопленных и что ему строго-настрого запрещалось не то что подходить, но и смотреть в ту сторону, а не то он мог оказаться или съеденным, или увезенным, почему-то в мешке, в Японию. Он, конечно, не хотел ни того, ни другого, но все равно через штaketник в заборе наблюдал иногда, как распахивались лагерные ворота, выпуская колонну японцев, одетых в зеленую военную форму, в обмотках на ногах и в смешных никогда не виденных фуражках с длинными козырьками, похожими на нынешние бейсболки.

Японцев разводили по строительным объектам, и Жене казалось, что значительная часть шахтерского поселка была выстроена их руками.

А крыши, крытые тончайшими деревянными пластинами – щепой, простояли без ремонта и течи не один десяток лет.

Однажды теплым и ясным по-летнему днем, которыми так богата приморская осень, Женя скатился на дно оврага, где стоял колодец и замер от неожиданности.

Четверо или пятеро японских военнопленных, оживленно переговариваясь, мыли водой из ведра, держа на вытянутых руках что-то длинное и блестящее, похожее на саблю, отливающую серебром.

На мальчика они совсем не обращали внимания. Постояв минуту с разинутым ртом, он вскарабкался наверх и помчался домой выяснять, что это они делают. Отчим преспокойненько так объяснил, что японцы поймали змею, сняли с нее кожу и сейчас приготовят ее и съедят.

– Змею? – возмущенно возопил Женя.

– А что тут такого? – последовал ответ. – Очень вкусно! – видимо, пошутил отчим.

В общем, в ту ночь Женя заснул не скоро.

Позднее появились так называемые «расконвоированные» японцы. Некоторые из них даже ходили по дворам и меняли на еду свои личные вещи. К Жене тоже подошел как-то японский военнопленный и на пальцах стал объяснять, что хочет обменять стакан, в котором чуть ли не доверху плашмя лежали карманные часы, на стакан риса. Он побежал к матери, и она передала ему продукты (рис, картошку и хлеб) и запретила брать часы, эту «штамповку», которая уже и время-то не показывает. Он так и сделал, а потом жалел, что не удалось поиграть с часами, посмотреть, что там у них, у «штамповки» внутри. Низкий поклон японца и его сузившиеся до зажмуривания глаза с проступившей между век слезинкой он запомнил надолго.

Детство пролетало быстро, учение давалось Жене легко, он очень много читал. Читал без разбора все, что попадалось на глаза. Однажды в возрасте лет двенадцати ему попался в руки большой том прекрасно изданного романа Александра Степанова «Порт-Артур». Книга была издана в 1954 году к 50-летию начала Русско-японской войны, а удостоена Сталинской премии еще в 1946 году. Она поражала и размером, и оформлением. Портреты главных героев были выполнены на мелованной бумаге и переложены папиросной бумагой. Крупный шрифт позволял читать даже при скудном освещении ручного фонарика – Женя часто пользовался этим запрещенным приемом.

Книгу он буквально «проглотил» дня за три. Имена прапорщика Звонарева, поручика Борейко, Вари Белой, адмирала Макарова, генералов Кондратенко, Белого, Стесселя запомнились ему на всю жизнь. Может быть, тогда он и «заболел» морем.

В книге, а была она библиотечной, он обнаружил вложенную между страниц и забытую кем-то старую почтовую открытку, на которой был изображен момент гибели броненосца «Петропавловск». С тех пор Женя стал собирать открытки. Много позже он узнал, что эта область коллекционирования называется фалеристикой.

...Кто из мальчишек в детсадовском возрасте не носил матроску?

У Жени лет в шесть была белая рубашка с «морским» воротником, и он тогда, конечно, не знал, что этот воротник называется «гюйсом» и что означают три белых полосы на синем фоне.

Летом приехал дед из Вязьмы, чтобы помочь отчиму в строительстве надворных построек. Строительство шло быстрыми темпами. Вечерами отчим с дедом, как правило, выпивали, засиживаясь иногда допоздна.

Однажды вечером, когда матери не было дома, Женя нарядился в морскую форму, натянул бескозырку и важно вышел к мужской компании. Откуда у него появилась бескозырка, так и не удалось вспомнить, как ни пытался, но бескозырка была – это точно.

Мужики уже были изрядно «поддатые», восхитились формой и бравым видом юного морячка и поднесли рюмочку. Сколько он выпил, Женя не помнил, но веселья хватило надолго. К тому времени он уже знал песню «Раскинулось море широко...» и с блеском, как ему каза-

лось, исполнил ее без всякого аккомпанемента. Под конец песни взобрался на табуретку и при словах «... Жене передай мой последний привет, а сыну мою бескозырку» сорвал с головы бескозырку и протянул ее деду. Тот, вконец растроганный, прослезился и опять подлил ему водки.

Кончилось все очень плохо. Женю долго откачивали, поили марганцовкой и еще чем-то противным, дня два он провалялся в постели. Мать устроила «поильцам» вселенский скандал, обвиняя их во всех смертных грехах, в безмозглости и в «выживании из ума». Интересно, что впоследствии, даже в зрелом возрасте Женя как-то равнодушно относился к спиртному, терпеливо снося все подначки и издёвки.

Второй раз матросскую форму Евгению пришлось надеть уже студентом второго курса института. Летом, по направлению райкома ВЛКСМ, он работал старшим пионервожатым в лагере «Учитель» в пригороде Владивостока Садгороде, тогда он назывался просто «26-й километр».

В День Военно-морского флота он проводил пионерскую линейку и был в матросской форме, что произвело на подопечных огромное впечатление. Евгений заранее договорился с политуправлением флота, в лагерь прислали матросов из ансамбля песни и пляски, которые дали превосходный концерт. Вечером все вышли с ними на берег Амурского залива, искупались, пели песни. Кто знал, что через некоторое время одни из них станут заслуженными артистами республики, а Шалин и Столяров получают звание «Народного артиста».

...К концу года, в котором Женя так неудачно солировал в морской форме и единственный раз в жизни был по-настоящему пьяным, его ожидал сюрприз. Одна из сестер матери была замужем за военным летчиком, судя по фотографиям того времени, это был красавец мужчина в летной фуражке с внушительной кокардой, с медалями на груди и в галифе необъятных размеров. Евгений всегда удивлялся, как эти «уши» по бокам брюк не загибаются, все-таки из ткани сделаны? Погоны украшали лычки в виде буквы «Т». На расспросы взрослые отвечали, что это соответствует званию старшина. Женя недоумевал и вступал с ними в спор: если старшина, то и на погонах должна быть не буква «Т», а буква «С». К тому времени он уже не только знал алфавит, но и бегло читал, иногда и настоящие «взрослые» книги. Впоследствии он узнал, что его дядька был портным и служил в батальоне аэродромного обслуживания.

Так вот, сюрприз состоял в том, что к Новому году пришла посылка из Ленинграда, в которой прибыла сшитая на Женю военная форма, причем полный комплект. Правда, вместо фуражки, была пилотка со звездой, но это не так важно. Зато там оказались настоящие хромовые сапожки, галифе и гимнастерка с взаправдашними капитанскими погонами. Военные медики носили тогда такие узенькие погончики, вот на гимнастерку их и приладили. Потом купили деревянный автомат с трещоткой. В общем, офицер получился еще тот.

Года два Женя щеголял в этой форме, вызывая зависть мальчишек со всей округи.

Играл он тогда самозабвенно в военные игры даже сам с собой. Да вы сами подумайте, если положить на пол две табуретки длинной стороной одна за другой, соединив их между собой ножками, сверху посередине поставить таким же образом еще одну табуретку, забраться вовнутрь с автоматом, разве при известной доле воображения, вы не в танке окажетесь? Вот то-то!

Но это «танкостроение» длилось недолго, ровно до тех пор, пока старшая сестра не кувыркнулась через «танк», неся в обеих руках бак с кипятком. Как они не обварились – неизвестно, но строительство всяких баррикад в доме ему запретили строго-настрою.

В детский сад Женя ходил всего около года. И вот на очередной День Победы готовилось, как всегда, праздничное выступление. Воспитательница очень строго сказала, что он должен был отдать свою форму и автомат Диме, который будет выступать перед нашими важными гостями. Дима был сыном какого-то начальника из Шахтоуправления. В группе его не любили, потому что он был противным. Детский максимализм необъясним. Вот «противный» он и все...

Женя вцепился в свой автомат, не заревел, нет, хотя слезы так и подкатывали к глазам, и твердил только два слова:

– Не отдам! Не отдам!

Как только не уговаривали и не упрашивали и воспитатели в детском саду, и родители дома! Автомат и форму он запрятал на чердаке и больше уже никогда не надевал.

Родные сначала спрашивали:

– Куда же твоя форма делась?

Он старательно делал честные глаза, прилагал все силенки, чтобы не зареветь, а так как при этом и говорить-то было трудно сверх этих не очень-то больших «силенок», пожимал плечами и разводил в стороны обе руки.

Видя такую реакцию, от него скоро отстали. А форма? Может, и до сих пор лежит она где-то на чердаке, ведь упаковал он ее очень и очень надежно.

...Это случилось вскоре после войны. Жене исполнилось семь лет, и отчим с матерью решили съездить летом на родину – в Вязьму, провести родные края своих родителей, возможно, и остаться в этих самых родных краях. Дальний Восток к этому времени еще не стал для них родным и незаменимым.

Путешествие длиной в полмесяца через всю страну, жесткая, самая верхняя – третья – полка в купе, где Женю привязывали ремнем к трубам отопления на всю ночь, чтобы не свалился во сне, железнодорожные станции с их очередями за кипятком, с торговками вареной картошкой и солеными огурцами – все это и сейчас живо в памяти. Но почему-то запомнились фермы железнодорожных мостов, мелькающие за вагонным стеклом...

Ехали они уже вчетвером. К этому времени у Женьки появился братик – Валерка, первенец и любимец матери и отца.

Дом деда стоял на самой окраине городка. От изувеченного минувшими боями леса его отделяла небольшая, шириной метров в пятьдесят, луговина, заросшая густой сочной травой.

Бродить по опушке Жене понравилось сразу и безоговорочно, в стволах обожженных войной деревьев он обнаруживал то застрявший осколок, то полузатянутый древесной смолой и корой «глазок» пули. Встречались и деревья, верхушки крон которых были снесены неразборчивым снарядом. Иногда Жене удавалось выковырять из дерева снарядный осколок или не очень глубоко застрявшую излетную пулю. Однажды он споткнулся о торчащую из земли рукоятку пистолета. Вытащил. Но пистолет оказался очень изувеченным, ржавым, без ствола, и он просто отбросил его за ближайший куст: неинтересно играть с таким металлоломом.

Для прогулок на опушке дед ссудил Жене свои истоптанные ботинки, в которых он обычно работал на огороде. Обувка была явно велика, постоянно спадала с ног, но для неспешных походов по луговине и лесу вполне годилась.

И вот во время очередного визита на опушку Женя решил углубиться в лес. Но едва первые кусты скрыли дом деда, как он увидел стоящего у дерева зверя – по окраске вроде бы и собака, но вся его стать, весь облик и даже немигающий, кинжальный взгляд рыжих с зеленоватым отливом глаз – все говорило о том, что это – зверь. Дикий. Опасный.

По окраске вроде бы похожий на собаку – серый до черноты, с рыжими подпалинами на груди и брюхе, зверь чем-то неуловимо отличался от «лучшего друга человека». Может быть, своей более угловатой волчьей мордой, может быть, нескрываемой готовностью напасть: взгляд зверя сулил смерть.

Он стоял метрах в двух от Жени. Напряженный, готовый к беспощадному броску. Это был лик смерти. Он не рычал. Не лаял. Не вилял хвостом. Он просто выжидал тот единственный миг, который даст ему шанс быстро и без особых усилий убить. И шерсть на холке зверя медленно вздыбливалась.

Женя испугался и... подарил зверю этот шанс. Повернулся к нему спиной и побежал. То был сигнал к атаке: догоняй добычу! Зверь одним прыжком настиг и вцепился в ногу чуть выше лодыжки. И Женя заорал.

То ли несусветный крик испугал его, то ли он увидел бегущего на выручку деда, но – молча и стремительно – зверь метнулся в лес.

После того как мать перевязала подручным лоскутом рану на ноге, после срочного визита в поликлинику и полученного там укула от бешенства, после домашнего обеда с борщом и жареной картошкой Женя немножко успокоился и довольно складно рассказал еще взволнованной родне про зверя, который на него напал. А дед объяснил суть случившегося.

Бои, шедшие здесь, порушили многие селения, обездомив собак. И те, стремясь выжить, ушли в лес, быстро и легко восстановив в себе инстинкты диких зверей. Одичавшие собаки научились самостоятельно добывать себе еду. Они породнились с волчьими стаями, и помет от этих собак оказался страшнее лесных аборигенов – волчьих стай.

Полуволки, полусобаки, эти звери сохранили в себе понятливость и знания домашних собак, их безбоязненное отношение к человеку, одновременно объединив эти качества с волчьей яростью и ненавистью к людям, с беспощадным инстинктом самозащиты. Они сохранили разноцветную окраску собак и обрели внимательную осторожность волков. Они разучились лаять и нападали на свои жертвы молча и бесшумно.

В зимние холода эти мутанты спокойно бродили по улицам поселков и городов в поисках добычи, безбоязненно заглядывая во дворы, и тогда их жертвами могли стать не только случайные собаки или иная домашняя живность, но и люди – дети и взрослые.

Прижив от своих родителей прирученность, но воспитанные дикой природой, эти собаки-волки не поддавались ни на какие уловки и попытки человека заманить себя в ловушки. Они спокойно уходили за красные флажки и уводили за собой стаи настоящих волков, личным примером демонстрируя безопасность развешанных на веревках ярких лоскуточков...

Война – самое безрассудное вмешательство человека в Природу. И Природа не остается безучастной: ее возмездие неотвратимо и настигает нас, как эхо в горах.

Что ж, как аукнется, так и откликнется.

Об этом Жене постоянно напоминают шрамы на ноге, оставленные клыками лесного мутанта в Вяземских лесах в далеком 1948 году.

Не найдя подходящей работы, да и жилья на Западе, Гуримовы в этом же году решили вернуться в Ворошилов, повторив путешествие «по дуге большого круга».

Эта поездка едва не стоила Петру Сергеевичу свободы. По возвращении в Ворошилов против него возбудили уголовное дело за то, что он якобы подделал документы о продлении отпуска и выехал за пределы г. Ворошилова, по существу, дезертировал с работы.

За нарушение «Указа от 26/ХП – 41 года» дело на Гуримова *«передали в следственные органы для привлечения к судебной ответственности»*.

В прокуратуре дело рассмотрели, но *«с учетом предоставленных справок о болезни, а также того, что Гуримов П. С. является кандидатом в члены ВКП(б) и райком возражает против привлечения его к уголовной ответственности, а по партийной линии Гуримов уже получил выговор»*, дело против него прекратили.

Смирившись с тем, что им придется надолго, а может и навсегда, остаться в Ворошилове, Гуримовы принялись обустроиваться. Получив квартиру в доме на две семьи с большим приусадебным участком, купили корову, завели уток, кур.

Появились с перерывами в год-два еще два брата и сестра, которым Женька как старший стал нянькой. Теперь он выходил гулять, обвешанный братьями и сестрой. Мать в перерывах между декретными отпусками работала то завбазой, то завмагом.

Отцу вообще было не до детей. Работа в три смены на шахте выжимала все соки. Он освоил все шахтерские профессии: проходчика, забойщика, крепильщика, посадчика. Одно

время был даже начальником участка, но его сняли, как «не обеспечившего производства последнего».

Ему присвоили звание «Мастер угля», наградили медалями «За трудовое отличие» и «За трудовую доблесть». Он очень гордился тем, что стал обладателем всех трех степеней знака «Шахтерская слава», который ценился шахтерами выше всех орденов и медалей.

... В пятилетнем возрасте Женя ходил в детский садик, расположенный на глухой окраине Уссурийска. И вот как-то воспитательница повела группу в небольшую рощицу по соседству с детским садиком.

Женя плелся последним, и не воспользоваться таким благом никак не мог. Вокруг бушевал незнакомый мир, поэтому просто необходимо было познакомиться с этим царством красок, птичьих голосов и вообще со всей еще неведомой жизнью.

Вот какой-то цветок изумительной красоты распустил свои бархатные лепестки. Как тут не остановиться и внимательно не разглядеть это чудо? Налюбовавшись вдоволь, он собрался было догонять свою группу, но рядом прыгнул на травинку кузнечик. Тоже необходимо познакомиться. Правда, кузнечик ответного стремления к знакомству не испытывал, и едва Женя протянул к нему руку, как он сиганул на другую травинку. Женя – за ним. Он снова – прыг!

Женя шагнул дальше. Но в это время его внимание привлекла бабочка-махаон. Огромная. Размером с ладонь. Темно-синим перламутром своих крыльев она привораживала взгляд. Женя забыл про кузнечика и шагнул к махаону. Шагнул и едва не наступил на какую-то лесную птицу. Та с жалобным писком отскочила от него на расстояние вытянутой руки. Женя попытался дотянуться до птички, но едва это сделал, птичка опять пискнула и перелетела еще дальше. Он снова шагнул к ней. Эти догонялки продолжались минуты две, наверное. Наконец, птица вспорхнула и куда-то улетела. А Женя остался один во внезапно потемневшем лесу.

Позже, став взрослым, он рассказал об этом случае в кругу эрудированных друзей, и узнал, что эта птичка своим якобы беспомощным перепрыгиванием просто уводила его от гнезда, в котором, очевидно, уже лежала кладка яиц.

Женя не помнил: испугался ли, заплакал, звал ли кого на помощь, однако до сих пор жило в нем тягостное чувство безысходного одиночества, которое охватило тогда детскую душу. Тем не менее он двинулся сквозь чащу и уже к вечеру выбрался на какую-то лесную дорогу. Почти в темноте добрел-таки к своему детскому садiku. И все время, пока шел, не встретил ни одной живой души.

Трудно описать, с какой щенячьей радостью он бросился к своей воспитательнице. Для него она была феей-волшебницей, принцессой! Но это божество, увидев Женю, разрыдалось и залепило ему звонкую пощечину.

Женя был оскорблен! Унижен! Растоптан!!!

Пойми этих взрослых: ведь он так стремился домой!..

Как нашел дорогу – Евгений так и не понимал, вспоминая тот случай. Ведь мог запросто согнуться в лесу. Видимо, в грядущем судьба уготовила ему другие, более тяжкие испытания.

Значительно позже, с возрастом он понял, какие страдания, какие переживания доставил взрослым своим путешествием, а тогда он злился черной обидой на свою богиню-воспитательницу, вспоминая о полученной от нее пощечине.

На окраине Уссурийска, где он вырос, ни речек, ни озер не было в округе километров на десять. Поэтому местная детвора плескалась в двух заброшенных карьерах. Карьеры остались после того, как всю глину, пригодную для изготовления кирпичей, из них выбрали. А дожди, да грунтовые воды залили эти выработки по самый верх. Получилось два искусственных озера.

Одно – большое, глубиной метров двадцать. Причем эта глубина начиналась от среза земли. А второе, поменьше, с пологими берегами. В нем-то и плескалась у берегов всякая «мелюзга», постигая азы водоплавания.

Женя учился то ли в первом, то ли во втором классе, когда в один прекрасный день (он действительно был по-летнему прекрасным, переполненным жарким солнцем, пряным запахом полевых цветов, трав, хвои и деревьев) отправился к озерам с твердым намерением научиться плавать.

Скользнул по пологому берегу и, едва окунулся в воду, принялся отчаянно лупить ее руками и ногами, временами цепляясь за дно, чтобы убедиться, что глубина под ним неопасная. И вдруг почувствовал, что вода его держит, что он не просто барахтается, а – плывет. Плывет «по-собачьи», загребая под себя мутную теплую воду обеими руками.

Счастья – до неба.

Изрядно утомившись, он вылез на берег, развалился на местной травке и наскоро отдохнул: страсть как не терпелось повторить свой прибрежный заплыв.

В конце концов он до того осмелел в воде, что совершил в этот же день еще один «подвиг» – переплыл карьер.

На следующий день переплыл этот карьер уже дважды и окончательно убедился, что «вода держит». Значительно позже на уроке физики узнал, что «всякое тело, погруженное в жидкость, теряет в своем весе столько, сколько весит вытесненная им жидкость» – главный закон своей будущей профессии кораблестроителя. Сейчас Евгений может сколько угодно времени лежать на воде – речной ли, морской, удивляя этим немудреным искусством знакомых и незнакомых ему людей, принимая в воде самые замысловатые позы. Но это мальчишечье чувство покорителя водной стихии, которое он пережил, проплыв «по-собачьи» свой первый десяток метров, это чувство больше не испытывал никогда...

...Манька – это корова из детства, которое пришлось на трудные послевоенные годы. Семья большая – шестеро детей, мал мала меньше. Прокормить такую ораву нелегко, и мать с отчимом, как и многие семьи в шахтерском поселке, держали корову. Дети по очереди выводили ее на пастбище. А уж сено на зиму для коровы заготовить, да накормить животинку в зимние холода – тут про очередность речи не шло: всех, кто подвернулся под руку родителям, отправляли позаботиться о коровенке.

Женя заканчивал четвертый класс. В ту пору школьники сдавали экзамены после каждого года обучения, начиная с четвертого класса.

В день самого первого в его жизни экзамена мать разбудила Женю в пять часов утра, сунула в одну руку хворостину, в другую – узелок с куском хлеба и бутылкой только что надоенного утреннего парного молока и отправила пасти Маньку. Никакие отчаянные протесты и сетования на то, что у него, мол, экзамен сегодня, не помогли.

– Успеешь, – махнула рукой мама. – Пригонишь корову в одиннадцать часов и отправишься на свой экзамен.

Учился Женя неплохо. Очевидно, поэтому родители были уверены, что экзамен для него – не экзамен. Досрочно разбуженный в этот ответственный для него день, показательно всхлипывая и обвиняя во всех смертных грехах ничего не понимающих, по его разумению, родителей, Женя прихватил учебник и поплелся вслед за Манькой по взмокшей от росы поселковой улочке.

Овраги, заросшие густым кустарником, межевали полянки с высокой сочной травой. Идти до них – минут пятнадцать – двадцать. Словом, недалеко.

На улице едва начинало светать. Обычный в это раннее время туман выполз из низин, закрывая восход, наливая воздух промозглой, до озноба, сыростью. Женя плелся за Манькой, а та привычно вышагивала к знакомой полянке. Наконец пришли. Корова принялась смачно объедать траву, не обращая внимания на просыпающееся утро, на туман, редующий в первых лучах солнца. Что ей до красот природы? Ее дело коровье: нажеваться травы и выдать к вечеру ведро вкуснейшего парного молока.

А Женю заботил экзамен. Следовало бы как-нибудь пристроиться с учебником и читать в нем параграфы. Но солнце еще не набрало своих огненных сил, и туман хоть и редел, однако все вокруг вымокло от росы – ни присесть, ни прилечь. Женя попытался читать учебник стоя, но в голову ничего не лезло.

Но вот трава подсохла, и он блаженно разлегся на полянке. Сначала долго смотрел на небо, любуясь диковинными фигурками облаков, а потом перевернулся на живот и занялся созерцанием полевых цветов. Их было здесь так много и таких немислимых расцветок, что вдруг показалось, будто земля и небо поменялись местами, и он полетел, широко раскинув руки.

Это было похоже на сон. И вдруг видение исчезло. Над головой протяжно замычала Манька, и лизнула щеку шершавым, пропахшим свежей травой языком.

– Пора домой, – говорили ее добрые глаза.

На экзамен Женя успел. Правда, не в числе первых. Получил пятерку. А экзамен был... по ботанике. С тех пор ни за один устный экзамен в школе Женя не получал оценки ниже, чем «пять».

Первые школьные экзамены сданы. Ура, каникулы! Правда, каникулы школьника, живущего в многодетной семье с сельским укладом, далеки от каникул городского школьника. В первую очередь – помощь родителям в хозяйственных работах. Воды натаскать из колонки, на огороде поработать, корову Маньку спровадить на выпас... Дел хватает.

Женя еще не ходил в школу, когда к ним домой пожаловал участковый милиционер. Был он такой красивый, в форме и при пистолете. Женя был дома один: родители трудились, а старшая сестра еще не пришла из школы.

Участковый зашел в дом, увидел восхищенный взгляд, направленный на новенькую кобуру, и сказал:

– Ну что смотришь? Нет у вас такого нагана.

И он, откинув кобуру, продемонстрировал черную рукоятку пистолета.

– Как нет, – возмутился Женя. – Даже больше, чем у тебя. Вот такой, – раздвинул он руки, показывая размеры.

И растерянно добавил:

– Ну и это такой, зеленый...

– Как же, – возразил участковый. – Во-первых, зеленых наганов не бывает, а во-вторых, ты даже не знаешь, где он лежит.

– Как не знаю? – прямо-таки задохнулся Женя от возмущения и призывно махнул рукой.

– Пойдем!

И он повел участкового в чулан, где в сундуке под бельем отчим хранил японскую ракетницу. И была она защитного цвета. Участковый довольно хрюкнул и, захватив ракетницу, пошел на кухню, где присел к столу, разложил бумаги и сказал:

– Подождем-ка мы с тобой твоих родителей.

Когда вся семья оказалась в сборе, и после долгих разговоров отчим выпроводил участкового с конфискованной ракетницей со двора, Жене была устроена головомойка. Сестра выдала ему очередную затрепину со словами:

– Убить бы тебя мало!

У Жени невольно задрожали губы и непроизвольно расширились от страха глаза, когда отчим вышел из комнаты с широким ремнем... Правда, он отбросил его в сторону со словами:

– Да что с этого дурачка возьмешь?

Но Женя уже ревел, так и не поняв своей вины. Не помнил он продолжения этой истории, но с тех пор ему не показывали даже, где хранится дробовик 16-го калибра.

У мальчишек какая-то особая тяга к оружию, может быть, от далеких предков, которым приходилось в борьбе за выживание и охотиться, и воевать. Но, наверное, ни один из пацанов

не обошелся, чтобы не иметь в своем арсенале игрушечные наганы, автоматы, сабли и прочее вооружение. Часто они делали их сами, выстругивая и выпиливая из кусков дерева, скручивая из проволоки или других подручных материалов...

В поселке было две шахты, они так и назывались: «Первая шахта» и «Вторая шахта». Каждая из них имела свой хозяйственный двор. Так вот на дворе «Первой шахты» стоял невесть откуда прилетевший и приземлившийся «Ястребок» – истребитель с красными звездами на крыльях. Сначала возле него стояла круглосуточная охрана, а потом, когда шахту приготовили к закрытию, охрана куда-то исчезла. В самолет «лазили» все, кому было не лень взобраться в высоко расположенную кабину. Потом стали выкручивать, вывинчивать, выдергивать приборы, провода, в общем, все, что можно было выломать, а через некоторое время по неизвестной причине «Ястребок» загорелся, а оставшиеся после пожара части тоже куда-то растащили.

С внешней стороны двора «Второй шахты» стоял бронетранспортер, у которого были и колеса и гусеницы, как у танка. На его выкрашенных в защитный цвет поверхностях не было никаких обозначений и его называли «японским».

Этот бронетранспортер разобрали по частям еще быстрее, чем самолет – без охраны ведь стоял. Колеса у него были каучуковые. Пацаны вырезали из них куски, делили на кубики и делали мячи, доводя эти кубики каучука до идеальной формы шара. Для игры в лапту каучуковые мячи подходили лучше всего, но зато и синяки от них оставались отменные...

Недалеко от поселка появились воинские склады, куда свозили трофейное вооружение из поверженной Германии и капитулировавшей Японии. Как со складов оружие попадало к пацанам, до сих пор доподлинно не известно, но почти у каждого из них в специально оборудованных тайниках хранилась не одна единица стрелкового вооружения. Самыми безобидными были деревянные ложки от винтовок или карабинов и ножны от сабель. Но у особенно отчаянных припрятаны были и винтовки, и автоматы, и даже ручные пулеметы.

В «войну» пацаны играли самозабвенно и почти по-настоящему, только что пули не свистели, да снаряды не рвались, благо места для сражений выбирать не приходилось – сразу за улицей начиналась гряда поросших мелкоколесьем сопки.

А потом появились патроны, мины и снаряды. Как-то само получилось, что пацаны выбирали на вершине какой-нибудь сопки яму поглубже, разводили там костер и бросали в огонь боеприпасы. Дух захватывало, бешено колотилось сердце, когда раздавались взрывы, разлетались, повизгивая, осколки, а они прятались от всего этого за естественным бруствером ямы.

Но однажды случилось то, что должно было случиться давно. Брошенный в яму снаряд долго не взрывался, и Дениска вылез на бруствер, и стал шевелить палкой костер. Другие тоже повысовывали головы, кто-то крикнул:

– Дениска, прячься!

Но было поздно. Прогремел взрыв, Дениска как подкошенный завалился за бруствер, заорали раненые мальчишки.

Хоронили Дениску всей школой. Перебинтованные участники трагедии старались не попадаться взрослым на глаза. А через день после похорон по всем дворам поселка прокатился рейд. Солдаты и милиционеры методично обшаривали квартиры, сараи, огороды и выволакивали из тайников оружие, складывая его сначала в кучу посреди улицы, а потом грузили на полуторки и куда-то вывозили. Ахали женщины, разводили руками мужики, когда то с одного, то с другого двора выносили и проносили мимо них вооружение и амуницию.

Потом наступил вечер «большой порки». Растянулся он почти на неделю, во время которой пацаны ходили с зареванными лицами, а на уроках остороженько, гримасничая от боли, присаживались на самый краешек сидений парт.

Пацанского «арсенала» не стало... Зато появилось новое увлечение – начали делать «поджиги» и «самопалы». Для их изготовления требовалось совсем немного: тонкая медная тру-

бочка, которая служила основанием для «поджига» или для «самопала». Один конец трубки расплющивался и загибался под прямым углом, образуя подобие буквы «Г». В трубку заливалось немного расплавленного олова. Затем из гвоздя, размером соотносимого с длиной трубки, делалась со стороны шляпки еще одна буква «Г». Острым концом гвоздь под углом вставлялся в трубку, а маленькие отростки буковок «Г» трубки и гвоздя соединялись тугой резинкой. Если в трубку крошить штук двадцать спичечных головок, вставить гвоздь и сжать резинку, то гвоздь резко падал в трубку, высекая искру, крошенные спички воспламенялись и раздавался звук, напоминающий пистолетный выстрел. Причем звук выстрела был тем громче, чем больше спичек «заряжалось» в «поджигу».

«Самопал» отличался от «поджиги» тем, что трубку прикручивали к выструганной из дерева рукоятке, а выстрел производили посредством поджигания смеси с помощью спичечной коробки через специально пропиленное в трубке отверстие, то есть использовался механизм, подобный фитильным пистолетам XVI века.

«Самопалы» Женя не делал, а вот «поджига» у него была, и сыграла она с ним скверную историю.

Дело было уже зимой, и сколько Женя ни крошил в «поджигу» спичечных головок и не щелкал гвоздем, «поджига» не срабатывала ни на улице, ни дома – и все тут. Он уже смирился с тем, что она никогда не выстрелит, иногда доставал ее из кармана даже на уроках и просто щелкал гвоздем от нечего делать. Так было и на одном из собраний, куда школьников согнали для каких-то воспитательных целей. Не выдержав нудных нравоучений, Женя вытащил «поджигу» и начал потихоньку щелкать. Слышно щелчков не было, потому что в большом зале стоял легкий гул детских голосов. И с этим шумом не могла справиться даже завуч, которую отчаянно боялись даже старшеклассники. Когда шум становился уж слишком громким, завуч выходила к столу лектора, и шум мгновенно стихал, но стоило ей только отойти, как он возобновлялся с новой силой. Воспользовавшись одним из таких моментов, Женя со злорадством особенно резко нажал на резинку и... раздался оглушительный выстрел. «Поджига» наконец-то сработала!

Кто-то ойкнул, наступила мгновенная тишина. Соседи и соседки быстро брызнули в разные стороны. Над Женей вился легкий дымок, и он увидел, как на него надвигается, словно танк, красная от гнева завуч. Он покорно сдал оружие, был отконвоирован в коридор и три дня, несмотря на каникулы, простоял около учительской с утра до 11 часов вечера.

Мишке с конного двора повезло меньше. «Самопал» разорвался у него в руках и ему ампутировали три пальца.

Пацаны выросли, прошло и это увлечение, но до самого выпускного вечера Евгений вместо портфеля носил учебники и тетради в кожаной офицерской сумке, где было много отделений, а одно из них из прозрачного целлофана, предназначалось для карт. Эту сумку ему подарил сосед из дома напротив. Он был участником Великой Отечественной и работал в бригаде отчима.

В школах еще не отменили начальную военную подготовку: ученики осваивали строевые приемы, маршировали и даже стреляли на оценку из мелкокалиберной винтовки. Несмотря на близорукость, стрелял Евгений довольно метко, выбивая необходимое количество очков для отличной оценки.

...В классе, наверное, пятом, Женя приобрел в книжном киоске толстую книжку с красивыми картинками, из которых можно было понять, как надо делать те или иные «самоделки», в том числе и новогодние костюмы. Он всегда любил ходить в книжный киоск и наблюдать, как на прилавки выкладывают книги, аппетитно пахнущие типографской краской и, если позволяла продавщица, осторожно полистать страницы, узнавая про то, что в этой книге написано. Продавщица к нему благоволила и иногда откладывала на недельку-другую понравившуюся книгу, пока он не насобирал необходимую для покупки сумму денег. К десятому классу

у Евгения подобралась приличная библиотека, которую он в студенческие годы не растерял, а только дополнил. Впоследствии в многочисленных переездах к месту работы и службы семейный багаж в основном состоял из книг.

А в этом далеком и полузабытом пятом классе Женя мечтал, что сделает на новогодний праздник костюм мушкетера и ему за него дадут самый настоящий и лучший подарок. Он рассказал о своей мечте старше сестре, и она, нахохотавшись, порылась в сундуке, вытащила из него изрядно побитый молью воротник из меха рыжей лисы и бросила жене со словами:

– Лучше «Кота в сапогах» сделай.

Раньше была такая женская мода, когда воротник пристегивали к пальто на пуговицах, а сам он был изготовлен из целой лисы или соболя, причем сохранялись хвост, лапки и мордочка с искусственными стекляшками вместо глаз.

Воодушевившись и вооружившись ножницами, он вырезал из шкуры маску с прорезями для глаз и приспособил в качестве носа лисью мордочку.

Сверясь с недавно купленной книгой про самоделки, долго клеил из бумаги шляпу с пером. Сапоги у него были, краги, как шляпу, из бумаги смастерил. Старые материны перчатки заштопал. Сестра снисходительно помогала сделать кружевной широкий воротник, а хвост от той же лисы он прикрепил проволокой, шпагу выстругал из деревянной палки. В общем, костюм получился хоть куда. Когда он нарядился, то получил полное одобрение и неописуемый до визга восторг младших домочадцев.

На утренник из всей детворы в новогоднем костюме пришел только один Женя. В актовом зале, который в обычные дни использовался как класс для занятий, было душно и жарко, и ему в маске пришлось изрядно попотеть.

Учителя вытащили его на сцену, заставили рассказывать известную сказку Перро, потом зашикали:

– Заканчивай, заканчивай!

Женя растерялся, не докончив фразу, но тут одна из учительниц громко объявила, что ему полагается подарок. Тогда слово «приз» еще так широко не употреблялось.

И вот ему вручили маленькую коробочку, в которой было аж... семь тоже маленьких разноцветных карандашиков.

Были разочарование и обида, да еще его дома пропесочили за испорченные вещи. Он решил больше никогда не делать новогодних костюмов.

С восьмого класса классным руководителем у них в классе была Галина Ивановна, выпускница Московского педагогического университета. Когда представили ее на линейке перед началом нового учебного года и она выпорхнула из дверей школы в коротеньком голубеньком платице, с широким поясом (видимо, сохранилось еще со школьных времен), по всему строю пронесся вздох восхищения.

У нее была короткая стрижка, подчеркивающая густоту каштановых выющихся волос, огромные голубые глаза, нежное округлое лицо с аккуратным носиком и румянец на щеках. Вся школа завидовала их классу.

Преподавала она географию и историю, и много времени уделяла внеклассной работе. Относительно небольшая разница в возрасте помогала ей в работе с учениками. В то время школьники поставили несколько спектаклей и даже сходили в летний многодневный поход по Приморскому краю, собрав при этом довольно внушительную минералогическую коллекцию. Сохранилась ли она до настоящего времени? Наверное, нет.

А в девятом классе на Новый год Галина Ивановна предложила Жене выступить в роли фокусника и дала книгу с описаниями «секретов» нескольких простеньких фокусов. Когда он «отработал» эти фокусы и показал их, Галина Ивановна заставила его одеться в ее лыжные шаровары, пестрый халат и навернула на голову чалму из банного полотенца. Усы и бороду Женя соорудил сам.

И вот наступил Новогодний вечер. Школьный актовый зал был полон, и после объявления, что сейчас на сцену выйдет фокусник Али-Бала-Абдулла-Вах-Алейкум-Ах-Саллям из Багдада, Женя выплыл из-за занавеса, стараясь, чтобы не свалились с ног расписные домашние тапочки с крючковато загнутыми носами, тоже принадлежащие Галине Ивановне. Все фокусы у него получились и завершились бурными аплодисментами. Но вот фокус с бутылкой потерпел фиаско. Фокус заключался в том, что он должен был показать зрителям бутылку и отлить из нее воды, чтобы доказать, что она наполнена, затем предъявить кусок веревочки, опустить его в горлышко и покачать на ней бутылку, демонстрируя тем самым искусство волшебного воздействия на предметы.

Увлечшись, Женя так сильно раскачал бутылку, что она сорвалась и полетела к зрителям, но, не долетев до первого ряда, упала и, не разбившись, завертелась на полу, разбрызгивая воду во все стороны. Визгу было много, но вечер был предновогодний, и все подумали, что так оно и должно быть.

В десятом выпускном классе у них был уже другой классный руководитель...

Откуда идея стукнула в голову, Женя не помнил, но в Новый год переоделся в женское платье, подставил в нужные места газетные холмики, на голову натянул беретик, на лицо – маску с прорезями для глаз. Классная руководительница смеялась до колик, показывая на выглядывающие из-под платья кривоватые ножки сорок четвертого размера в беленьких носочках. Так, что он лет на тридцать опередил и Верку Сердючку, и Олейникова со Стояновым, не говоря уже о других «юмористах».

Потом наступила взрослая жизнь, новогодние костюмы шили уже для своих детей, а вот елки ставили всегда и, как правило, живые...

Дядя Митя – киномеханик и одновременно директор клуба, был настоящим кумиром поселковой детворы. Когда привозили новые фильмы, у окошка кассы выстраивалась очередь счастливых, у которых были деньги на билеты. Правда, очередь эту толпу ребятни можно было назвать весьма условно. Просто к кассе устремлялись все, кому хотелось первым подержать в руках волшебный клочок бумажки, открывающий путь в совершенно другой мир – мир кино. Да и потом номера мест в билетах не указывались за отсутствием таковых, и занимали престижные места в первых рядах зрительного зала те, кто первыми туда прорывались. К тому же и количество билетов было строго определенным, могло и не достаться ничего. Так что даже наличие денег не всегда гарантировало возможность посмотреть фильм.

У кинотеатров и клубов, несколько в стороне, обычно кучковались те, кто на сегодняшний день, увы, не смог выклянчить денег у родителей или где-нибудь «достать». Вся надежда была на то, что у дяди Мити сегодня хорошее настроение, и после первой части, когда будут перезаряжать узкоплечный киноаппарат, он запустит в зал всех безбилетников, и, рассевшись на полу перед самым экраном, они смогут досмотреть то, что осталось от фильма. Некоторых пацанов, кто помогал дотащить коробки с лентами до кинобудки, дядя Митя пускал на сцену, и те смотрели фильм с самого начала, но с обратной стороны экрана. А какие это были фильмы! Про некоторые иностранные фильмы говорили, что они захвачены нашими войсками прямо в Берлине, на них сделали надписи на русском языке, и, наконец, доставили в Уссурийск, чтобы показать нам.

Жене запомнился фильм «Три мушкетера», в котором Д'Артаньян пел песню:
– Вар-вар-вар-вар-вары, еду я в Париж!

Эти слова он запомнил еще с тех пор, а что они означают, так и не знал. Ну и конечно, сверхпопулярностью пользовался многосерийный фильм «Тарзан». Дикие вопли старающихся подражать Тарзану пацанов перепугали не одну домохозяйку в поселке. А сколько было переломано деревьев, еще больше – мальчишечьих ребер, сколько метров канатов и веревок различной толщины и назначения не досчитались в своих хозяйствах мужики?!

Перевод произведения американского писателя Эдгара Берроуза о Тарзане появился у нас в стране значительно позже, а тогда, в начале пятидесятых, мальчишки просто бредили похождениями Тарзана, его подружки Джейн и обезьянки Читы.

Дядя Митя жил на отшибе поселка в доме, с обратной стороны которого была пристроена водокачка. Сам он был невысокого роста, полным до рыхлости, с пальцами, напоминающими толстые сосиски, как бы перевязанные невидимыми веревочками на суставах. Тем не менее передвигался он, несмотря на полноту, довольно быстро, подобно крабу, боком-боком. Иногда, ожидая своей очереди пропуска в зал после демонстрации первой части фильма, Евгений наблюдал через открытую дверь кинобудки, как дядя Митя обедал, вскрыв разноцветную жестяную банку с надписью «СНАТКА», вытаскивал волокнистое бело-красное мясо своими толстыми пальцами. Тогда эти яркие цветные банки целыми пирамидами возвышались на прилавках киосков и магазинов, но что интересно, первый раз отведать этот деликатес Евгению Петровичу довелось уже в зрелом возрасте.

Наверное, дядя Митя жил зажиточно, но уединенно. А его красавица жена почти не появлялась на людях. Отец дяди Мити отпускал воду на водокачке, и за какое-то нелестное высказывание против Сталина был арестован, как тогда говорили, «органами». Воду стала отпускать жена дяди Мити, а старика выпустили только после смерти Сталина в конце 1953 года. Но к тому времени бригада отчима выкопала несколько колодцев в разных уголках поселка, и надобность в водокачке отпала сама собой. Дядю Митю несколько раз арестовывали за махинации с отчетностью, несколько раз отпускали с миром, а потом как-то его семья исчезла из поселка, после того, как вступил в строй Дом шахтеров с большим зрительным залом и широкоформатным экраном.

Евгений помнил, как в пятом или шестом классе, вероятнее всего, в пятом, когда учились во вторую смену, пацаны сбежали с последних уроков смотреть широкоэкранный цветной фильм «Великий воин Албании Скандербег». Это название Евгений Петрович помнит до сих пор, потому что всю группу на следующий день вызвали в учительскую и допытывались, кто был зачинщиком. Все молчали, «как партизаны». В наказание их выстроили около учительской, и они простояли-промаялись с шести до десяти часов вечера, когда уже закончились занятия в вечерней школе. Еще и дома получили нахлобучку, но там уже каждый единолично изворачивался, как мог. Не стоял с ними около учительской только один Вовчик, сынок какого-то начальника из Шахтоуправления. Собственно, он-то и был тем самым зачинщиком, подговаривая сбежать с уроков и рассказывая в красках какой это замечательный фильм. Пацаны договорились не разговаривать с Вовчиком и не поддаваться на его попытки к общению. Но хватило их только на неделю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.